

НАРОДОПРАВСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1917 г.

г. п.

№ 7.

21 Августа.

СОДЕРЖАНИЕ.

ПРОФ. Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

Н. А. БЕРДЯЕВЪ. СВОБОДНАЯ ЦЕРКОВЬ И СОБОРЪ.

В. ДОРОВАТОВСКАЯ. НА УЛИЦАХЪ ПЕТРОГРАДА.

В. МУРАВЬЕВЪ. ВОСПРІЯТІЕ ИСТОРИИ.

ПРАПОРЩИКЪ УШАКОВЪ. ПИСЬМА СЪ ФРОНТА.

СВЯЩЕННИКЪ СЕРГѢЙ СОЛОВЬЕВЪ. ПРИН-

ЦИПЪ НАЦИОНАЛЬНАГО САМООПРЕДѢЛЕНІЯ.

ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. ВОЙНА И СУДЬБЫ МОНАРХІИ.

ПР.-ДЦ. С. Г. ЧАЛХУШЬЯНЪ. ВОЙНА И КРИЗИСЪ НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА.

А. ЕВДОКИМОВЪ. ДЕМОКРАТІЯ И НОВАЯ РОССІЯ.

Н. М. ЮРДАНСКІЙ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. ИГО ВЛАСТИ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ОДИНЪ МѢСЯЦЪ—1 Р. 20 К., НА ТРИ МѢСЯЦА—3 РУБ. ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НУМЕРА—30 К. ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ ПОЛЬЗУЮТСЯ КРЕДИТОМЪ И ЛЬГОТНЫМИ УСЛОВІЯМИ ПРИ ВЫПИСКѢ НЕ МЕНѢ СТА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

Адресъ конторы:

Москва. Б. Дмитровка, 13 (ходъ съ переулка), кв. 18. Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи:

Москва. Солянка, д. 1, кв. 83. Тел. 3-97-14.

Отдѣленіе конторы въ Петроградѣ:
Невскій, 100. «Посредникъ печати».

Цѣна 30 коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВѢЩАНІЕ.

Дни Государственного Совѣщанія въ Москвѣ навсегда останутся въ памяти народа. Ихъ историческое значеніе не менѣе велико, чѣмъ значеніе первыхъ дней революціи. Они будутъ безмѣрны по своему величію, если Россія выйдетъ наконецъ на путь спасенія.

Безконечные толки и партійныя пререканія предшествовали этому совѣщанію. Какимъ мелкимъ и ничтожнымъ все это кажется теперь. Особенно смѣшны вопли о контръ-революціонности. Впрочемъ всегда найдутся люди, легіоны людей, которые назовутъ контръ-революціей всякій порядокъ, всякое право, всякую дисциплину, всякую іерархію власти.

Смыслъ совѣщанія состоитъ въ выясненіи требованій правительства, обращенныхъ къ странѣ, и требованій страны, обращенныхъ къ правительству. Оно открывается рѣчью Керенскаго.

Нужно признать, что эта рѣчь производитъ глубокое впечатлѣніе. Въ ней есть нѣкоторое наитіе, осязаемость сверхличными и сверхпартійными силами. Конечно, дѣло не въ оцѣнкѣ ораторскаго таланта Керенскаго, а исключительно въ томъ, оправдываетъ ли онъ концентрированную на немъ надежду великой Россіи, соберетъ ли въ единый фокусъ всѣ лучи соборнаго сознанія и проявитъ ли равнодѣйствующую всѣхъ волевыхъ силъ.

Въ немъ есть полное отданіе себя народу, отданіе души и тѣла, и въ этомъ отданіи священная одержимость величіемъ таинственной русской стихіи.

Мы не должны сомнѣваться, и полозрительно спрашивать: какой въ сущности Керенскій? не истериченъ ли онъ, подлинно ли его вдохновеніе, достаточно ли въ немъ незыблемой твердости? Герой народа будетъ такимъ, какимъ народъ захочетъ его видѣть, онъ будетъ такимъ, какою захочетъ быть Россія. Мы сами непрерывно *дѣлаемъ* Керенскаго, онъ мѣдиумъ «великой державы Россійской». Поэтому прочъ всякія сомнѣнія въ личности, онъ ихъ не заслужилъ, и они только ослабляютъ мощь его силы, какъ равнодѣйствующей народной воли. Будемъ вѣрить до конца и любить до конца.

Ни въ одномъ словѣ его рѣчи нѣтъ принципиальнаго расхожденія съ великими традиціями, великимъ прошлымъ, великими надеждами и идеалами русскаго народа, а только при такомъ разрывѣ Россія имѣла бы основаніе отвернуться отъ Керенскаго.

Напротивъ, теперь впервые глава демократической Россіи говоритъ языкомъ великодержавнаго народа: «мы хотимъ и мы добьемся, чтобы никто не смѣлъ считать Россійскую Державу на второмъ мѣстѣ въ хорѣ міровыхъ государствъ. Мы милости не просимъ и въ снисхожденіи не нуждаемся!»

Онъ сознаетъ «долгъ спасенія наслѣдія нашихъ предковъ», спасенія великаго Государства Россійскаго, и находитъ слова презрѣнія къ циммервальдизму быть можетъ искреннему, но «не освѣщенному государственнымъ разумомъ и дѣйствительной любовью къ родинѣ». Да, конечно эти люди состоятъ не изъ однихъ продажныхъ предателей, а въ значительной степени изъ добросовѣстныхъ безумцевъ, кто никогда не имѣетъ родины, и которые еще опаснѣе и вреднѣе.

Павосомъ истиной государственности трепещетъ вся его рѣчь: «мы душу свою уьемъ, но государство спасемъ». Да, такъ говорилъ великій сынъ возрожде-

нія, итальянскій патріотъ и идеологъ государства Макиавелли: родину нужно любить болѣе, чѣмъ спасеніе души.

Черезъ всю рѣчь звучитъ и повторяются слова: необходимъ отказъ отъ всѣхъ своекорыстныхъ, личныхъ и групповыхъ интересовъ во имя общаго и цѣлаго, отказъ отъ своеволия и междупартійныхъ распрей. Наше великое несчастіе—неумѣніе творить, работать, стремленіе только разлагать и только критиковать. Золотыя слова!

Вѣрно! Не мѣсто сейчасъ жалкой борьбѣ темныхъ и алчныхъ массъ за присвоеніе и наживу, разоряющую государство, не мѣсто и придиричвому брюзжанью политиковъ-интеллигентовъ, привыкшихъ критиковать всякую власть, которая не у нихъ въ рукахъ и во всемъ и всегда винить правительство.

Сейчасъ необходимо «вдохновеніе творчества», порывъ самоограниченія и самоотреченія, величайшій подъемъ патріотизма и величайшія жертвы.

Услышитъ ли русскій народъ эти слова? Пойметъ ли, что въ нихъ воплощена непреходящая воля великой, древней, бессмертной Россіи? Что побѣдитъ: вѣчная воля къ жизни, воля къ новому рожденію, единая соборная воля Россіи или преходящее своеволие жалкаго, темнаго, ничтожнаго поколѣнія, ея сыновъ, рожденныхъ въ рабствѣ?

Ясно одно: неизбежное столкновеніе и борьба этихъ двухъ волей—соборной воли героевъ и творцовъ новой Россіи и разрозненнаго своеволия корыстной толпы. Въ этой борьбѣ уступокъ быть не можетъ: кто хочетъ «создать свободную націю изъ распыленныхъ массъ» тотъ долженъ желѣзною рукою немедленно положить предѣлъ процессу распыленія, процессу взаимнаго отталкиванія, всей этой внутренней борьбѣ и враждѣ, бесплодно пожирающей творческія силы народа.

Много ли у насъ людей способныхъ къ порыву творческаго патріотизма, способныхъ пожертвовать партійными программами, классовыми интересами, жаждой наживы—для спасенія родины?

Если такихъ мало, если большинство темные люди, безъ разума и совѣсти трусы, корыстолюбцы, жалкіе, эгоисты, то ихъ надо принудить исполнять свой долгъ кровью и желѣзомъ.

Это Керенскій сказалъ, это онъ обѣщаль и въ этомъ должны ему помочь всѣ тѣ, въ комъ есть разумъ и совѣсть. Народъ-ребенокъ не можетъ больше продолжать предметные уроки, какіе онъ получалъ доселѣ. «Смотри, вотъ что такое армія, реорганизованная на демократическихъ началахъ», и онъ получаетъ ударъ въ лобъ, «вотъ что такое большевики», и онъ получаетъ ударъ въ спину. При дальнѣйшемъ обученіи онъ разобьетъ себѣ голову.

Народъ-ребенокъ никогда не захочетъ трудиться добровольно, онъ предпочтетъ «свободу» отъ труда и подсолнухи; къ труду его придется принудить и онъ самъ будетъ благодарить, когда вырастетъ и станетъ умнѣе. Министерство труда вполне правильно стало «на точку зрѣнія недопустимости, устройства митинговъ и собраній во время рабочаго дня на фабрикахъ и заводахъ». Иначе народъ-ребенокъ всегда предпочтетъ митинги и забастовки суровому исполненію трудового долга.

Я не согласенъ съ тѣми, кто говоритъ, что рѣчь Керенскаго не означаетъ перелома въ политикѣ правительства, не открываетъ новыхъ путей. Мнѣ ка-

жется, что по существу своему эта рѣчь есть провозглашение *диктатуры*, конечно диктатуры революционной власти, диктатуры *въ защиту родины и свободы*. Такая диктатура сейчасъ неизбежна и на ея основѣ возможно полное единеніе всѣхъ силъ страны, какъ справедливо указалъ членъ Думы Маклаковъ.

Послѣ этой рѣчи и послѣ всѣхъ другихъ рѣчей представителей правительства нѣкоторые прежніе приемы правительства совершенно невозможны. Нельзя теперь идти въ Сов. Сол. и Раб. Деп. и становиться подъ ихъ контроль. Это вытекаетъ изъ словъ Керенскаго: мы не съ правыми и не съ лѣвыми, въ этомъ есть наша сила!

Да въ этомъ сила того, кто хочетъ найти и выразить единую, истинную общую волю народа; и эта сила будетъ потеряна, будетъ отнята, если правительство подчинится частной волѣ отдѣльныхъ группъ и организацій. Церетелли повидимому поиялъ, что въ дальнѣйшемъ Совѣты не могутъ, не имѣютъ права давить на правительство; стремясь оправдать совѣты, онъ сказалъ: «никакой связи между Совѣтами и властью нѣтъ, мы только *всемѣрно* поддерживаемъ Временное Правительство». Что же, дай Богъ.

Но позиция, которую теперь впервые заняло правительство, позиция безграничной власти, «кровью и желѣзомъ» защищающей родину и свободу, диктатуры, осуществляющей «порядокъ, жертвы и оборону». (Слова Некрасова)—такая позиция обязываетъ къ безконечно многому и даетъ странѣ право *требовать* неумолимой послѣдовательности въ пользованіи диктаторской властью. Цѣли, оправдывающія диктатуру ясны: спасеніе родины, спасеніе свободы. Страна имѣетъ право *требовать* примѣненія всѣхъ орудствъ, которыя по ея крайнему разумѣнію неизбежны для осуществленія этой цѣли. При невыполненіи этихъ требованій власть теряетъ все свое оправданіе и превращается въ самодержавный произволъ.

Только самодержецъ можетъ сказать: вы ничего не можете у меня требовать! даю и дѣлаю, что хочу.

Народъ, временно вручившій власть своему вождю по своей волѣ, можетъ требовать всего: хлѣба, защиты, порядка, и только при этихъ условіяхъ вождь народа можетъ въ свою очередь *требовать* подчиненія и поддержки.

И первыми требованіями, которыя вся Россія предъявляетъ къ правительству, будутъ требованія исцѣлить и возродить армию. Требованія военачальниковъ должны быть выполнены немедленно и безусловно. Только они могутъ судить о томъ, какими средствами нужно лечить армию.

Правительство національной обороны должно дорожить военными вождями и не вносить въ отношенія къ нимъ никакой политики. Чѣмъ чаще дезертиры, трусы и лѣнтяи называютъ ихъ контръ-революціонерами, тѣмъ болѣе они нуждаются въ поддержкѣ правительства и всего народа.

Существуютъ еще требованія, вытекающія изъ обѣщаній правительства, обѣщаній, въ силу которыхъ даются ему испрашиваемыя огромныя полномочія. Керенскій! сказалъ, что самая страшная болѣзнь Россіи—это постоянная борьба между собою, натравливаніе одной части населенія на другую. Такое натравливаніе составляетъ программу и тактику большевизма, дѣлающаго своимъ девизомъ «классъ противъ класса». Большевизмъ привилъ эту болѣзнь Россіи, ея тылу и арміи, при чемъ въ арміи классовая

борьба была истолкована, какъ борьба солдатъ противъ офицеровъ. Германія использовала большевиковъ для распространенія въ Россіи бактерий класовой ненависти, использовала какъ ихъ предательство, такъ и добр. совѣстное тупоуміе и злобу.

«Большевизмъ», сказалъ Керенскій, «найдетъ своего врага!» Россія имѣетъ право требовать немедленнаго выполнения этого обѣщанія. Не отдѣльныхъ большевиковъ обѣщаетъ здѣсь преслѣдовать Керенскій за ихъ измѣну или преступленія, а *большевизмъ*, и это вполне послѣдовательно, ибо большевизмъ отрицаетъ каждое слово и каждое положеніе рѣчи Керенскаго и отрицаетъ не словомъ только, а дѣломъ.

Есть еще одно требованіе послѣдовательности, которое рано или поздно должно быть выполнено. Керенскій говорилъ объ интернационализмѣ и пацифизмѣ, какъ о «можетъ быть искреннемъ, но неосвѣщенномъ государственнымъ разумомъ и любовью къ родинѣ теченіи, которое не приблизило желаннаго мира, а отдалило его», и которое развратило армию. Этотъ упрекъ цѣликомъ огносится къ Чернову. Такой «не освѣщенный государственнымъ разумомъ» министръ не можетъ сидѣть въ правительствѣ, хотя онъ «можетъ быть» и искрененъ. Да, Маклаковъ и Милуковъ правы: *вчерашній* пораженецъ и интернационалистъ не можетъ сидѣть въ правительствѣ, провозглашающемъ великодержавность Россіи и необходимость военной обороны, какъ *ultima ratio*.

Повидимому Черновъ уже отчасти догадывается, что его положеніе въ кабинетѣ не совсѣмъ удобное, такъ какъ онъ не рѣшился самъ выступить въ Москвѣ съ докладомъ по своему министерству, а передалъ эту миссию Прокоповичу.

Послѣ рѣчи Керенскаго это положеніе становится еще болѣе неудобнымъ, но все-же Черновъ думаетъ вѣроятно, что его интернационализмъ и пораженчество несущественны, что отъ нихъ можно отказаться для сохраненія портфеля, что ихъ могутъ позабыть; это не совсѣмъ такъ; революціонная демократія поступила безпощадно: какъ только раздалось слово «вчерашній пораженецъ»—она закричала: «браво Черновъ!».

Можетъ быть въ силу партійныхъ соображеній это требованіе не такъ легко выполнить, но все же правительство, которое хочетъ быть сверхпартійнымъ и патриотичнымъ должно его выполнить. Оно должно и найдеть министра, могущаго вполне удовлетворить крестьянство, можетъ быть менѣе эсъ-эрскаго, но зато болѣе «крестьянскаго», болѣе «мужицкаго» министра, ибо русскій крестьянинъ не можетъ желать пораженія Россіи и отнятія земли у русскихъ крестьянъ въ пользу нѣмцевъ.

Только при этихъ условіяхъ, вполне выяснившихся на совѣщаніи, позиция министерства будетъ свободна отъ всѣхъ упрековъ въ непослѣдовательности, слабости, двойственности, только при выполненіи всѣхъ этихъ требованій оно имѣетъ за собою все право, всѣ силы, какія-только можетъ ему дать страна.

Въ своей заключительной второй рѣчи Керенскій говорилъ о трудности нахождения истинной общей воли народа, которую нелегко услышать среди криковъ и споровъ партій, среди сумятицы мнѣній. Руссо, великій отецъ демократіи, вѣрилъ, что общая воля никогда не ошибается, и указывалъ, что она не

тождественна съ волею партій, даже съ волею всѣхъ отдѣльныхъ гражданъ.

Эта безошибочная общая воля страны, таинственная и мудрая собирательная воля, дѣйствительно доселѣ оставалась скрытой и какъ бы молчала, «народъ безмолствовалъ», пока надрывались демагоги, пока трусы кричали «спасайся, кто можетъ!», а жадные рабы призывали къ грабежу. Но въ послѣдній день совѣщанія, въ тотъ рѣдкій, священный моментъ стихійнаго единенія, когда враждебные классы протянули другъ другу руку въ братскомъ порывѣ любви,—тогда была найдена общая воля, которая не ошибается, была найдена точка опоры, чтобы перевернуть Россію, быть можетъ, перевернуть весь міръ.

Теперь не можетъ быть сомнѣній и колебаній, путь ясенъ: все темное, эгоистическое, злобное, что есть въ странѣ, должно быть безпощадно желѣзною силою подчинено тѣмъ организаторамъ, тѣмъ строителямъ и вождямъ Россіи, которые собрались въ Московскомъ Совѣщаніи и нашли въ послѣдній день общій языкъ для выраженія истинной общей воли.

Б. Вышеславцевъ.

СВОБОДНАЯ ЦЕРКОВЬ И СОБОРЪ.

I.

Русскій народъ всегда чувствовалъ себя народомъ христіанскимъ. Многие русскіе мыслители и художники склонны были даже считать его народомъ христіанскимъ по преимуществу. Славянофилы думали, что русскій народъ живетъ православной вѣрой, которая есть единственная истинная вѣра, заключающая въ себѣ полноту истины. Тютчевъ пѣлъ про Россію:

«Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя».

Достоевскій проповѣдывалъ, что русскій народъ—народъ богоносецъ. Лучшие русскіе люди вѣрили, что въ скрытой глубинѣ русской народнои жизни таятся возможности высшихъ религиозныхъ откровеній. Но вотъ грянула революція и привела въ бурное движеніе необъятное море народной жизни. Народъ, безмолствовавшій тысячу лѣтъ захотѣлъ, наконецъ, выговориться. И вотъ, прислушиваясь, къ многоголосью народному въ разбушевавшейся стихіи революціи приходится признать, что имени Христова не слышно въ этомъ гулѣ. Не во имя Христа совершилась революція и не христіанская любовь направляетъ ея теченіе. Всѣ попытки превратить нашу национальную революцію въ социальную были движимы дошедшей до озлобленія жаждой равенства, понятаго механически и материалистически, но въ нихъ менѣе всего чувствовался духъ христіанскаго братства. Революція обнаружила духовную опустошенность въ русскомъ народѣ. И опустошенность эта есть результатъ слишкомъ застарѣлаго рабства, слишкомъ далеко зашедшаго процесса разложенія въ старомъ строѣ, слишкомъ долгаго паралича русской церкви и нравственнаго паденія церковной власти. Долгое время вытравлялась святыня изъ народной души и справа, и слѣва, и это подготовило то циническое отношеніе къ святынямъ, которое нынѣ обнаруживается во всемъ своемъ безобразіи. Революція хороши тѣмъ, что онѣ выявля-

ютъ истинное положеніе, свергаютъ всякую условную и лицемерную ложь. Для уничтоженія старой лжи и гнили значеніе революціи будетъ велико.

Революція ударила по церкви и разрушила старую связь церкви и государства. Вънѣшніе въ строѣ церковномъ все пришло въ движеніе. Русская церковь должна перестроиться снизу доверху. Но въ стихійномъ нарастаніи революціи церковное движеніе оказалось совершенно затеряннымъ. Церковнаго голоса не слышно въ гулѣ революціи. Въ дни великой опасности для Россіи православная церковь не играетъ той роли, какую играла въ прежнее время, когда св. Сергій Радонежскій спасалъ родину и направлялъ ее духовно. Есть основаніе опасаться, что подобно тому, какъ до переворота церковь была принижена передъ старымъ самодержавнымъ государствомъ, она будетъ принижена и передъ новымъ демократическимъ государствомъ. Но въ дни, когда Россія и весь міръ переживаетъ небывалыя катастрофы, когда все въ мірѣ стало зыбкимъ и колеблющимся, христіане не могутъ не желать, чтобы былъ услышанъ голосъ Свободной Церкви Христовой. Свободная Церковь есть прежде всего церковь независимая отъ власти государства и отъ всякой стихіи этого міра. Она въ себѣ самой черпаетъ источникъ своихъ откровеній, она получаетъ свою свободу отъ Главы своего Христа. Не можетъ Церковь получить свободу отъ революцій и измѣненій, происходящихъ въ государствѣ, не можетъ свобода церкви родиться отъ демократическаго строя. И если въ старой связи церкви и государства нарушено было заповѣданное Христомъ отношеніе между «божымъ» и «кесаревымъ», то это было внутреннимъ паденіемъ церковнаго народа, церковнаго чело-вѣчества, его соблазномъ и порабощеніемъ «міру сему». Церковь въ своей внутренней святости, которую не одолѣютъ врата адовы, не можетъ быть порабощена. Она сама есть источникъ благодатной свободы, она ограничиваетъ то все-властие государства, передъ которымъ склонился міръ языческій, и охраняетъ безконечную природу и безконечныя права чело-вѣческой души. Только христіанство признаетъ безконечность чело-вѣческаго духа и его несоизмѣримость ни съ какими царствами этого міра. Но церковь есть бого-чело-вѣческій организмъ и чело-вѣческая воля церковнаго народа можетъ соблазняться всѣми искушеніями, можетъ отпадать и рабствовать. Русскій церковный народъ, находившійся подъ духовнымъ воздѣйствіемъ Византии, прошелъ черезъ большія искушенія, онъ воздалъ «божью» — «кесарю». Автокефальность русской церкви означала возглавленіе ея царемъ. На этомъ пути церковный народъ въ Россіи утерялъ всякое самостоятельное значеніе въ жизни своей церкви. Соборное начало осталось въ головѣ такихъ идеологовъ православія, какъ славянофилы, но оно отсутствовало въ самой церковной дѣйствительности. И церковный народъ, и церковная іерархія привыкли къ приниженой пассивности, вся активность была возложена на органы государства. И задачу нашихъ дней для жизни церкви нужно видѣть прежде всего въ томъ, что самый церковный народъ и церковная іерархія нынѣ призываются къ активности и самостоятельности во всемъ (между прочимъ и въ дѣлѣ религиознаго воспитанія). Нельзя уже разсчитывать, что дѣло христіанства на землѣ сдѣлаетъ за православныхъ христіанъ кто-то другой, какая-то опекающая и покровительствующая власть.

II.

Внѣшній строй русской церкви, которая была самой большой и самой сильной частью восточной православной церкви, держался своей связью съ царской властью. Паденіе «священнаго русскаго царства» означаетъ новый періодъ въ исторіи восточной церкви. Кончилась византійская идея. Церковный народъ освободился отъ одного изъ соблазновъ, отъ рабства у «кесаря», и ему дана свобода выбора дальнѣйшаго пути. Внѣшнее единство восточной церкви ничѣмъ уже не держится. И это есть огромное испытаніе духовныхъ силъ церковнаго народа. Отнынѣ восточная церковь можетъ держаться лишь внутреннимъ единствомъ, лишь возрожденной церковной силой и крѣпостью. И именно потому должна пробудиться церковная воля къ возстановленію вселенскаго единства церкви. Паденіе русскаго самодержавія облегчить движеніе къ соединенію церквей. Но движеніе это нужно прежде всего мыслить не какъ внѣшнюю унію, а какъ внутреннее обращеніе двухъ половинокъ христіанскаго человѣчества другъ къ другу съ любовью, не отказываясь отъ своеобразнаго опыта каждой изъ половинокъ. Вполнѣ свободной можетъ быть лишь Единая Вселенская Церковь, не прикованная къ государствамъ и націямъ, не зависящая отъ власти національныхъ государствъ. Всякое раздѣленіе въ церкви есть уже частичная утрата свободы. Авгокефальность русской церкви и была источникомъ ея несвободы. Соблазнъ папезаризма въ западной католической церкви былъ такимъ же раздѣленіемъ и такимъ же рабствомъ, какъ и соблазнъ цезарепапизма на Востоцкѣ. Но ошибочно было бы думать, что протестантизмъ былъ движеніемъ къ свободѣ церкви. Лютеранская реформація по послѣдствіямъ своимъ подчинила церковь принципу территоріальности и отдала ее во власть князей. Всякій уклонъ къ протестантизму есть раздѣленіе въ церкви, распадненіе ея и утрата ея свободы. Русскій синодальный строй былъ внесеніемъ въ православную церковь протестантскихъ началъ, заимствованныхъ изъ Германии, онъ представлялъ собой обмирщаніе церкви. Лучшіе православные люди относились съ презрѣніемъ къ синодальному строю, считали его не каноническимъ и искали духовнаго авторитета православной церкви въ старчествахъ. Церковное управленіе было навязано старой государственной властью и раздѣляетъ ея судьбу.

Св. Синодъ въ послѣдній періодъ своего существованія подвергся тому же разложенію, что и бюрократія, въ немъ была та же гниль, что и въ государственной власти. Князья церкви находились въ рабствѣ у Григорія Распутина. Онъ опредѣлялъ въ значительной степени тотъ составъ Св. Синода, съ которымъ встрѣтилось временное революціонное правительство. Передъ первымъ революціоннымъ оберъ-прокуроромъ стала задача развязать старыя отношенія церкви и государства, снять съ церкви оковы, освободить церковный строй отъ того, что было ему навязано старой властью. Съ этой точки зрѣнія нѣсколько насильственныхъ дѣйствій оберъ-прокурора по отношенію къ старому составу Св. Синода и высшей церковной іерархіи могутъ быть оправданы, хотя въ будущемъ оберъ-прокуроръ не долженъ играть никакой церковной роли и превратится въ министра исповѣданій. Въ первые революціонные моменты защита свободы и достоинства церкви и церковной власти не могла

быть защитой стараго состава Св. Синода, который не былъ избранъ церковно, который цѣликомъ навязанъ церкви разлагающейся государственной властью. Первый пореволюціонный періодъ церковной жизни оказался окрашеннымъ въ бюрократическій цвѣтъ новаго стиля и это было неотвратимымъ послѣдствіемъ старыхъ грѣховъ. Тѣло церкви давно уже больно, давно уже находится въ нестроеніи, и революція лишь выявила истинное положеніе, сбросила лицемѣрную ложь. Клерикально-классовая точка зрѣнія не можетъ быть защитой свободы церкви, она сама находится въ плѣну у царства кесаря и добивается земныхъ выгодъ. Не слѣдуетъ забывать, что русская церковь пережила длительный періодъ упадка и угашенія духа. Церковный народъ безмолвствовалъ и бездѣйствовалъ. Много религіозной энергіи разсѣялось по сектамъ и было направлено на борьбу противъ церкви и заключенной въ ней полноты. Душа народная была въ смятеніи и соблазнилась о нравственномъ паденіи церковной іерархіи, о духовномъ вырожденіи «официальной» церкви. Такое религіозное состояніе народа ставитъ большія духовныя затрудненія на пути церковнаго возрожденія. И нужно ждать, что великія жизненные испытанія и потрясенія приведутъ народъ русскій къ религіозному самоуглубленію.

III.

Давно уже надежды на обновленіе нашей церкви связываютъ съ созывомъ помѣстнаго церковнаго собора. Въ православной церкви должно быть возстановлено соборное начало. Старая власть боялась собора и созывъ его сдѣлался возможенъ лишь послѣ переворота. Церковь должна себя перестроить на выборныхъ, демократическихъ началахъ. Отнынѣ въ церкви не можетъ быть терпимо ничто навязанное ей извнѣ. Но ошибочно было бы принять возстановленіе соборнаго начала и демократизацію церковнаго строя за церковное творчество и церковное возрожденіе. Одинъ изъ соблазновъ подстерегающихъ нашу церковную жизнь—это смѣшеніе религіи съ политикой. Правое и лѣвое политиканство въ церкви одинаково пагубны. Переходъ къ политической или социальной демократіи не есть религіозное движеніе и для церковнаго возрожденія онъ самъ по себѣ ничего не можетъ дать. Настоящее церковное возрожденіе можетъ идти лишь изнутри, изъ глубины, отъ дыханія новаго духа. Творческое религіозное движеніе начнется лишь тогда, когда народъ углубится внутрь себя, перестанетъ жить внѣшнимъ. Тогда самобытное религіозное и церковное движеніе внесетъ въ политику и общественность высшую правду, которой въ нихъ нѣтъ. Пока же въ революціонномъ движеніи Богъ забыть и отъ такого движенія безумно ждать религіознаго возрожденія. Человѣкъ выброшенъ на поверхность. Не слѣдуетъ слишкомъ многого ждать и отъ помѣстнаго собора. Врядъ ли возможно въ церковномъ соборѣ большее количество религіозной энергіи, чѣмъ та, которая существуетъ въ церковномъ народѣ. Какъ это ни печально, но нужно признать, что церковному собору не предшествовало никакого церковнаго движенія снизу, никакого накопленія творческой духовной энергіи въ народѣ. Спѣшное созваніе собора вызвано внѣшней необходимостью перестроить русскую церковь и предотвратить возможность ея развала. Соборъ долженъ будетъ опредѣлить отношеніе церкви

къ государству, рѣшить цѣлый рядъ вопросовъ церковнаго быта. *Соборъ прежде всего долженъ укрѣпить положеніе православной церкви въ разбушевавшейся стихіи, все сметающей въ своемъ бурномъ движеніи, онъ долженъ поставить церковь въ положеніе независимое отъ измѣнчивыхъ стихій революцій и реакцій, т.-е. выдѣлить Свободную Церковь, подчиненную лишь главѣ своему Христу, которую не поработятъ уже никакія измѣненія въ судьбахъ государства.*

Но опасности и соблазны подстерегаютъ съ разныхъ сторонъ. Съ одной стороны, возможенъ уклонъ къ протестантизму, къ реформации лютеровскаго типа. Съ другой стороны, возможно возникновеніе клерикальнаго политическаго теченія, которое будетъ вести классовую борьбу въ церкви и черезъ церковь. И та и другая опасность отклоняютъ отъ путей Свободной Церкви, Единой и Вселенской. И въ томъ и въ другомъ теченіи церковь будетъ въ ложномъ сцѣпленіи съ политикой и государствомъ. Черезъ все опасности долженъ быть проведенъ и сохраненъ внутренній іерархизмъ церкви, который и есть истинная свобода и независимость отъ міра. Только свободная и сохраняющая свою іерархическую преемственность церковь будетъ духовной крѣпостью, въ которой можно защититься отъ внутреннихъ и внѣшнихъ соблазновъ. Сектантскіе уклоны всегда бываютъ бесплодной растратой религиозной энергіи. И нельзя не желать всей душой, чтобы религиозная энергія сектантства была возвращена церкви. Истинный путь Свободной Церкви пролегаетъ одинаково далеко и отъ инертнаго и фарисейскаго консерватизма, препятствующаго всякому творческому религиозному движенію, и отъ разрушительнаго революціонизма, направленнаго противъ внутренняго іерархическаго лада церкви.

Свободная Церковь въ новомъ русскомъ государствѣ должна дѣйствовать, какъ внутренняя духовная сила, и дѣлать государство изнутри, а не извнѣ христианскимъ. Принудительное «христианское государство» есть лицемѣрная ложь. Но признаніе этой отрицательной истины не означаетъ отказа отъ права и обязанности христианскаго народа налагать христианскую печать на свое государство. Поскольку русскій народъ останется христианскимъ народомъ, онъ не можетъ не желать, чтобы церковь занимала въ его государствѣ особенное мѣсто, онъ не можетъ приравнять ее къ частнымъ обществамъ. Церковная свобода въ христианствѣ соединяется съ религиозной свободой. Но религиозная свобода, свобода совѣсти для христианина не есть формальная и безсодержательная свобода, она есть истина самой христианской религіи, какъ религіи свободы. Только безрелигиозные и враждебные христианству люди могутъ утверждать, что религія есть частное дѣло отдѣльнаго человѣка. Нѣтъ, религія есть дѣло вселенское, есть полнота всего. Полное отдѣленіе церкви отъ государства, какъ того требуютъ либеральныя и социалистическія доктринеры, нежелательно и невозможно. Во Франціи оно приняло форму гоненія противъ церкви. Въ принципѣ должно быть раздѣленіе «божьяго» и «кесарева» и «божье» должно быть совершенно свободно отъ всякихъ посягательствъ «кесарева». Но «божье» дѣйствуетъ въ «кесаревомъ» изнутри, черезъ церковный народъ, въ которомъ должна быть цѣльность духа. Истинная церковь есть соединеніе свободы съ единствомъ. Русскій помѣстный соборъ есть лишь моментъ во вселенскомъ церковномъ движеніи, которое должно начаться въ

мірѣ и соединить все силы христианства для борьбы съ силами антихристианскими, которыя нарастаютъ въ мірѣ.

Николай Бердяевъ.

НА УЛИЦАХЪ ПЕТРОГРАДА.

Стояли необычайные для Петрограда морозные дни, но какъ всегда не было видно неба и дали затуманивались сѣрыми туманами.

Грязная и неудобная жизнь текла на улицахъ, толкала озлобленныя толпы въ трамваяхъ и длинными сѣрыми очередями стояла у хлѣбныхъ лавокъ. А хлѣба, говорили, скоро совсѣмъ не будетъ.

25-го февраля пронеслась тревожная вѣсть, что на Петроградской сторонѣ толпа разбила булочную Филиппова. Уже съ 23-го одинъ за другимъ оставались заводы. Трамваи не ходили. Къ вечеру стало извѣстно, что Дума распущена. Началось? И то, чего ждали, не радовало, а дѣлало еще болѣе хмурыми лица петроградцевъ.

26-го съ утра въ фабричныхъ районахъ стали собираться молчаливыя кучки рабочихъ. Не слышно ни рѣчей, ни даже громкихъ разговоровъ. Конные городовые вяло наѣзжаютъ на толпу, она на минуту разсѣется, чтобы тотчасъ же собраться опять и молча смотреть вдоль улицы вслѣдъ за удаляющимися городовыми. Тихо передавали другъ другу, что на трубочномъ заводѣ полиція, разгоняя толпу, ранила нѣсколько человѣкъ, что прапорщикъ Финляндскаго полка застрѣлилъ слесаря. Газеты не вышли, но тревожныя вѣсти съ необыкновенной быстротой облетали петроградскія улицы: на Выборгской сторонѣ толпа, шедшая съ криками «хлѣба, хлѣба», разогнана выстрѣлами. Тоже на петроградской сторонѣ и на Невскомъ проспектѣ. Стрѣляютъ не то солдаты, не то передѣтые городовые.

Въ этотъ день Петроградъ рано затихъ. Почти не видно съ улицъ освѣщенныхъ оконъ, рѣдки прохожіе, не слышно грохота экипажей. Напряженное и страшное ожиданіе повисло надъ городомъ.

Невскій, какъ черный корридоръ рѣдко освѣщенный тусклыми фонарями, охраняется со стороны Адмиралтейства городовыми и конными жандармами. У рѣшетки Александровскаго сада небольшая группа обывателей.

— Разсидитесь, господа, здѣсь не велѣно собираться, настойчиво убѣждаетъ околочный.

Группа неохотно разсѣивается и черезъ нѣсколько шаговъ собирается снова, точно замороженная черной пустотой Невскаго.

Противъ Главнаго Штаба сѣрѣетъ взводъ, форму котораго нельзя разобрать въ темнотѣ, слышно только частое постукиваніе солдатскихъ сапогъ о мерзлую землю. Нѣсколько офицеровъ прохаживаются вдоль строя. Раздается отрывистая команда и взводъ уходитъ куда-то въ темноту.

Морозъ крѣпчаетъ. Но небо ясное, темное и звѣзды колеблются въ зеркальныхъ окнахъ Зимняго дворца. Завтра, вѣроятно, будетъ солнечный день.

И дѣйствительно, такого яркаго солнца, такого ослѣпительнаго снѣга какъ 27-го февраля, давно не видали петроградцы.

Въ это утро на всѣхъ домахъ и заборахъ Петрограда появилось грозное воззваніе генерала Хабалова о томъ, что не вставшіе на работу будутъ внѣ

очереди отправлены на фронтъ. Противъ обыкновенія, воззвание почти никто не читаетъ,—другіе болѣе тревожныя вѣсти носятся сейчасъ надъ Петроградомъ.

Со стороны Невскаго слышится характерное, частое постукиваніе. Пулеметы!

Съ Дворцоваго моста бѣгутъ встревоженные, блѣдные прохожіе.

— Не ходите на ту сторону, на Невскомъ стрѣляютъ!

Утромъ съ Выборгской стороны опять двинулась голодная толпа черезъ Литейный мостъ. Пулеметы были поставлены вдоль Литейнаго проспекта и на Кировой. Въ одну минуту улицы опустѣли, только случайные прохожіе съ обезумѣвшими лицами бѣжали, прижимаясь къ стѣнкамъ домовъ.

Цѣлый день слышался надъ Петроградомъ то сухой трескъ ружей, то постукиваніе пулеметовъ. Но выстрѣлы не успокоили толпу. Уже днемъ на Пескахъ стали громить участки, въ нѣкоторыхъ кварталахъ разбивали хлѣбныя лавки. Городовыхъ на постахъ не было.

Смѣшанныя группы рабочихъ и обывателей часами стояли на улицахъ. Солдатъ между ними не видно, а о нихъ-то больше всего и говорилось. Какіе полки выставлены для усмиренія, будутъ-ли усмирять?

Къ вечеру пронесся слухъ, что на Васильевскомъ островѣ 180-й полкъ отказался выступить и его приказано разстрѣлять. Толпа рабочихъ встревоженно смотритъ вдоль Малаго проспекта, гдѣ расположены казармы 180-го полка. Молодой рабочий съ испитымъ лицомъ надрываясь кричитъ:—«Товарищи идемте выручать нашихъ товарищей солдатъ пока не поздно. Не загребайте жаръ чужими руками!».

Но черная толпа продолжаетъ также тревожно смотрѣть вдоль Малаго проспекта, не двигаясь съ мѣста.

Звонко стуча копытами, проскакалъ къ Гавани отрядъ казаковъ. Друзья или враги?

А еще позднѣе петроградцы радостно передавали другъ другу, что гвардейскіе полки отказались стрѣлять въ толпу и Преображенскій полкъ во главѣ со своимъ командиромъ направился къ Государственной Думѣ.

Тяжелая тревога смѣнилась надеждой. Черныя толпы на углахъ уже не такъ молчаливы и не такъ испуганы.

Съ наступленіемъ темноты полицейскіе выстрѣлы участились. Надъ Петроградской стороной зарево пожара. Оттуда доносится ревъ голосовъ и трескъ ружей—берутъ Петропавловскую крѣпость.

Въ Университетѣ безтолковая суетливость,—здѣсь образуются первые санитарные отряды.

Поздній часъ, фонари почти вездѣ погашены, но на улицахъ небывалое оживленіе. Сплошной черной толпой двигаются въ темнотѣ петроградцы, куда-то летятъ автомобили, пѣшіе санитарные отряды бродятъ по темнымъ переулкамъ.

Послѣ полуночи стало извѣстно, что организовался Исполнительный Комитетъ Государственной Думы съ Родзянко во главѣ.

Первое радостное впечатлѣніе утра 28-го февраля,—это веселыя толпы рабочихъ и солдатъ, грузовики, украшенные красными флагами, и яркое морозное солнце. Тяжелый вопросъ разрѣшился.

Весь Петроградъ уже зналъ объ образованіи

Исполнительнаго Комитета. Власть перешла въ руки Государственной Думы и старый порядокъ рухнулъ.

Министры одинъ за другимъ подавали въ отставку. 28-го февраля на улицахъ Петрограда праздновался первый день русской свободы. Стихійное движеніе голодныхъ и обнищавшихъ массъ, вызванное до крайности развратившейся властью и носившее почти что рефлекторный характеръ, приняло организованную форму.

За всѣ 200 слишкомъ лѣтъ своего существованія улицы Петрограда не видѣли такого торжества, такого всенароднаго праздника. Можетъ-быть только больные не вышли въ этотъ день на улицу.

И что это было истинное торжество и подлинное счастье свидѣтельствовало вдругъ измѣнившееся лицо толпы. Только отъ радости могли такъ смягчиться и подобрѣть люди, за нѣсколько дней до того яростно толкавшіе своихъ собратьевъ подъ колеса трамвая и давившія другъ друга въ безконечныхъ очередяхъ.

И всѣ эти счастливыя толпы подъ ослѣпительнымъ солнцемъ двинулись къ Таврическому Дворцу. А къ Таврическому Дворцу почти не было возможности подойти. Отъ самыхъ колоннъ дворца, по всей Шпалерной улицѣ густой массой стояла пестрая толпа. Тутъ были всѣ:—рабочіе, крестьяне, студенты, гимназисты, чиновники, военные, женщины, дѣти,—тутъ было все населеніе Петрограда.

Оставался только узкій корридоръ, по которому стройными рядами подходили къ Думѣ полки. Иногда солдаты шли одни, иногда ихъ вели офицеры. Раздавалось привѣтственное «ура», и солдаты съ серьезными и почему-то радостно смущенными лицами молча подходили къ Думѣ. Только офицеры съ веселой улыбкой подносили руку къ козырьку. Медленно въ автомобиляхъ подъѣзжали къ Думѣ генералы, группами, пѣшкомъ протискивались къ ней офицеры, съ бодрой музыкой блестящихъ трубъ правильнымъ строемъ шли юнкера и матросы, спутанными группами подъѣзжали конныя части.

Таврическій Дворецъ былъ въ этотъ день центромъ, а въ городѣ шла своя, параллельная жизнь. Выстрѣлы изъ засадъ не прекращались. Планъ ихъ еще не былъ выданъ Протопоповымъ и обстрѣленные петроградцы въ недоумѣніи поднимали головы, когда откуда-то сверху вдругъ раздавалось знакомое постукиваніе.

Санитарный автомобиль идетъ туда, гдѣ выстрѣлы раздаются сильнѣй. Стоитъ ему остановиться на минуту, какъ его окружаетъ густая толпа и кто-нибудь испуганно поднимаетъ брезентовую занавѣску:—нѣтъ ли раненыхъ?

Къ автомобилю подбѣгаетъ солдатъ съ возбужденнымъ лицомъ держа передъ собой окровавленную руку.

— Перевяжи сестрица!

Почему-то дрожатъ привычныя руки, разматывая марлевый бинтъ и юдъ проливается на мостовую. Первая перевязка раненому революціи.

Изъ толпы кто-то встревоженно сообщаетъ:

— Поѣзжайте на 15 линію тамъ только-что ранили человѣка».

Этого подростка съ тяжелой раной въ животъ вынесли на носилкахъ изъ дворницкой. Моментально откуда-то появилась подушка. Посинѣвшее лицо кажется мертвымъ на бѣлой наволочкѣ. Толпа идетъ за медленно удаляющимся автомобилемъ къ французской больницѣ.

И опять тревожное сообщение,—поѣзжайте туда-то, тамъ раненые.

Площадь передъ Исаакиевскимъ соборомъ полна солдатъ и матросовъ. Вокругъ «Астории» часовые-матросы. Окна нижняго этажа, расположенныя на уровнѣ тротуара; выбиты такъ, какъ будто ихъ нарочно вырѣзали до краевъ рамы. Осколки битаго стекла валяются тутъ-же, на затоптанныхъ коврахъ вестибюля. Испуганные иностранцы съ чемоданами и картонками ждутъ, когда имъ можно будетъ покинуть гостиницу.

Группа французскихъ и итальянскихъ офицеровъ спускается съ лѣстницы, встрѣчаемая дружными криками «ура».

Сѣдой французскій офицеръ что-то весело рассказываетъ на ломанномъ русскомъ языкѣ окружающимъ его солдатамъ и матросамъ.

На носилкахъ, окруженная родственниками случайно раненая барышня, а въ томъ же корридорѣ въ запертомъ номерѣ убитый тоже случайной пулей, казачій полковникъ. Въ тотъ моментъ, когда его, закрытаго простыней выносятъ, чтобы отвезти въ покойницкую, трескъ пулеметовъ раздается съ крыши «Астории», и площадь въ одну минуту пустѣетъ какъ будто ее вывели. Слышенъ тревожный крикъ рожка,—матросы трубятъ сборъ.

Посреди автомобиля покрытый съ ногъ до головы трупъ неизвѣстнаго человѣка и только мертвая блѣдная рука; случайно легшая поверхъ простыни, вздрагиваетъ при толчкахъ автомобиля.

Оглушительный стукъ пулеметовъ слышенъ на Невскомъ близъ Николаевского вокзала. Невскій въ этой части совершенно пустъ; и только посреди улицы одиноко лежитъ трупъ убитой лошади...

На Петроградскихъ улицахъ въ этотъ день появились новыя рукописныя объявленія:

«Питательный пунктъ для товарищей солдатъ». Слѣдуетъ адресъ. Университетъ, Бестужевскіе курсы, Технологическій институтъ, превратились въ часть улицы. Мокрый, грязный полъ, солдатскій запахъ. Солдаты въ шинеляхъ молча и дѣловито ѣдятъ щи, а барышни съ озабоченными, счастливыми лицами на перерывъ прислуживаютъ имъ. Каждаго новичка, желающаго работать, встрѣчаютъ недружелюбно: дѣла гораздо меньше нежели работниковъ, а всякому хочется сдѣлать что-нибудь своими руками.

До поздняго вечера не расходились на улицахъ толпы, безъ толку носились грузовики полные солдатъ, вооруженныхъ рабочихъ, студентовъ, штатскихъ, барышень...

Вооружены были даже 12—13 лѣтніе дѣти, подъ шумокъ стянувшие изъ разграбленнаго арсенала винтовки и шашки. Къ полицейскимъ выстрѣламъ изъ засадъ присоединились выстрѣлы вооруженныхъ гражданъ, отъ избытка радости стрѣляющихъ въ воздухъ. Солдаты снисходительно улыбаются:

— «Намъ-то надоѣло, а имъ вновь,—вотъ и стрѣляютъ зря».

Въ результатѣ неосторожныхъ выстрѣловъ оказались пострадавшие.

— «Слѣдовало-бы отобрать винтовки да револьверы, особенно у ребятъ. Напрасно только людей перепортыть», слышно въ толпѣ.

То въ одной, то въ другой сторонѣ поднимаются надъ Петроградомъ черные клубы дыма И выше

всѣхъ качается черный столбъ противъ Николаевского моста,—это горитъ Литовскій замокъ.

Вечеромъ 28-го февраля узнали, что организовался Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ.

Газеты уже нѣсколько дней не выходили. Единственными печатными извѣстіями были листы, выпускаемые при Государственной Думѣ петроградскими журналистами. Ихъ было немного и около каждого такого листка собирается цѣлая толпа.

— Товарищи, ничего не видно, раздается обыкновенно изъ заднихъ рядовъ болѣе или менѣе сердитый голосъ,—пусть ктонибудь изъ ближайшихъ читаетъ вслухъ.

Ближайшій нѣкоторое время мнется и наконецъ смущенно, большей частью по складамъ, начинаетъ читать о томъ, какъ подходили къ Думѣ войска, какими привѣтствіями встрѣчали ихъ Родзянко, какъ прибывающіе изъ окрестностей полки немедленно присоединяются къ возставшимъ.

Слушатели внимательно и терпѣливо слѣдятъ за спотыкающимся чтеніемъ. Развѣ только толстая торговка независимо замѣтитъ:

— «А нужно было бы позволять тѣмъ читать, которые грамотные».

Но на нее сердито шикаютъ:

— Не нравится, уходи, а другимъ не мѣшай.

— Продолжай, товарищъ, одобряютъ смущеннаго чтеца, и прерванное чтеніе возобновляется.

1-го марта, когда уже и рѣчи не могло быть о томъ, что у стараго порядка есть защитники,—выстрѣлы изъ засадъ не прекращались. Враговъ «сняли», ихъ участь была рѣшена и кажется загадочнымъ, что заставляло этихъ людей, во всякомъ случаѣ не воспитанныхъ на чувствѣ долга, такъ упорно исполнять данное имъ приказаніе.

На колокольнѣ городской Думы былъ найденъ у пулемета трупъ замерзшаго городского. Можетъ быть онъ умеръ отъ голода, побоявшись спуститься внизъ. Но въ эти первые дни, въ дни торжества и радости на улицахъ Петрограда не было пролито ни одной капли крови изъ мести.

Третій день слышались выстрѣлы съ колокольни одной изъ церквей Васильевского Острова. Они казались особенно загадочными, потому что послѣ тщательнаго обыска тамъ ничего не было обнаружено. Допросили священника, допросили сторожа,—но ничего не узнали. Частые выстрѣлы одинъ за другимъ раздаются въ морозномъ воздухѣ. Церковь окружена толпой. Бѣгутъ солдаты. Кто-то командуетъ:

— «Вольные расходись, вольные по домамъ!»

Но «вольные» не двигаются съ мѣста. Толпа растетъ. Солдаты выстраиваются въ рядъ и даютъ нѣсколько залповъ по колокольнѣ.

Цѣпь стягивается вокругъ церкви, нѣсколько человѣкъ съ винтовками бѣгутъ наверхъ. Видно какъ мелькаютъ сѣрыя фуражки въ пролетахъ колокольни.

— Сняли!

Изъ церковнаго сквера выходитъ толпа солдатъ, тѣснымъ кольцомъ окружая арестованныхъ.

Кто-то удивленно, и почти испуганно вскрикиваетъ:

— Барышню сняли!

Дѣйствительно, солдаты быстро вѣли въ «Штабъ милиции» барышню. Толпа бѣгомъ, толкая другъ друга ринулась вслѣдъ за ними. Барышня съ испуганнымъ лицомъ что-то шептала про себя поблѣднѣвшими

губами, вѣроятно молитву и крестилась дрожащей рукой.

Нѣсколько женщинъ въ платкахъ со злыми глазами визгливо кричали:

— Красный бантъ тоже нацѣпила. Нечего ее въ милицію, тутъ-же ее и убить надо, голову ей оторвать нужно. Что задумала!—въ народъ стрѣлять!

Молодой парень задумчиво качаетъ головой и удивленно обращается къ сосѣду:

— Барышня?.. Не больше чѣмъ 20 лѣтъ... Вотъ ты и разсуди...

Барышню уводятъ въ милицію, но толпа еще долго стоитъ передъ подъездомъ.

— Не иначе это какъ курсистка, рассуждаетъ толстая кухарка съ корзиной.

— Почему-же курсистка?

— Курсистка, потому онѣ храбрѣе. А тоже разныя между ними бываютъ и такія тоже есть, что противъ народа.

— Врешь ты, ввязывается въ разговоръ другая женщина. Знаемъ кто она такая есть,—съ нашей линии. Дочка нашего пристава, вотъ кто такая. Съ городскими тамъ и сидѣла, на церкви-то.

Къ концу 1-го марта настроеніе чуть замѣтно мѣняется. Появилась легкая растерянность. Что-то нужно сдѣлать, а что неизвѣстно. Порядка тоже нѣтъ. Люди неопредѣленно толкаются на улицахъ.

Потому вѣроятно и встрѣтила толпа съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ новое извѣстіе.

На уголѣ Малаго проспекта во весь духъ летитъ всадникъ въ мѣховой шапкѣ, съ шашкой поверхъ ободраннаго пальто.

— «Эй, публика, собирайся всѣ,—извѣщеніе!».

Въ одну минуту вырастаетъ толпа.

— Товарищи! я только что изъ Таврическаго Дворца. Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ назначилъ главнокомандующимъ надъ всѣми войсками подпрапорщика Фабалова. Такъ слышите товарищи,—подпрапорщикъ Фабаловъ главнокомандующій, Фабаловъ.

Вѣстникъ протискивается со своей лошадыо черезъ толпу, и нелѣпо болтаясь въ сѣдлѣ, летитъ со своей новостью дальше.

— Слышь, подпрапорщикъ какой-то главнокомандующій, говоритъ пожилой мѣщанинъ. Оно и лучше, а то ходимъ мы по улицамъ безъ дѣла и порядка нѣтъ. Нужно, чтобы ктонибудь всѣмъ распоряжался.

2-го марта, во второй разъ Петроградъ имѣлъ праздничный видъ. Городъ былъ украшенъ красными флагами. Отъ русскихъ національных флаговъ отрѣзали бѣлыя и синія полосы и узкіе красные флаги развѣвались на каждомъ домѣ. Вечеромъ зажгли иллюминацію.

Рано утромъ на заборахъ и домахъ Петрограда появились рукописныя объявленія:

«Товарищи! Царь Николай Романовъ отрекся отъ престола. У насъ республика!».

Свершилось. Потому и украсился флагами въ этотъ день Петроградъ, потому и надѣли въ этотъ день петроградцы красныя банты.

Съ этого дня начались безпрестанные митинги и въ первый разъ раздались революціонныя пѣсни. Раньше ихъ совсѣмъ не было слышно.

Рабочій съ блѣднымъ, больнымъ лицомъ, потрясая «Извѣстіями рабочихъ депутатовъ», надрываясь кричить:

— «Вотъ кого намъ нужно слушаться. За ними и пойдемъ. А въ Государственной Думѣ—дворяне, буржуи,—они противъ народа.»

Курсистка на питательномъ пунктѣ для солдатъ заявила, что пунктъ необходимо очистить отъ ненужныхъ работниковъ, видѣть которыхъ тамъ ей не позволяетъ ея партійная совѣсть.

Начался новый актъ великой драмы,—пришли вожаки.

В. Дороватовская.

ВОСПРІЯТІЕ ИСТОРИИ.

Для вдумчивыхъ людей одно изъ самыхъ мучительныхъ явленій революціоннаго времени есть отрицаніе имъ исторіи. Отрицаніе это проявляется одинаково и въ дѣйствіяхъ власти, нарушающей преемственность права, и въ дѣйствіяхъ народа, уничтожающаго внѣшніе знаки прошлаго: памятники, знамена, надписи, эмблемы. Отрицаніе проникаетъ глубоко въ психологию людей, участвующихъ въ революціи. Первое стремленіе ея—чистое разрушеніе, и лишь впоследствии, когда удовлетворено въ извѣстной мѣрѣ чувство ненависти и злобы, наступаетъ пора попытокъ положительнаго творчества. Благодаря этому начало революціи знаменуется вѣрой въ перерывъ, который мыслится громаднымъ большинствомъ, какъ нѣчто реальное, какъ дѣйствительный скачекъ изъ одного круга условій въ другой, при чемъ между ними нѣтъ другого отношенія, кромѣ взаимнаго отрицанія и враждебности. На самомъ дѣлѣ, конечно, перерывъ этотъ воображаемый и, наоборотъ, связь между дореволюціонной эпохой и эпохой революціонной гораздо сильнѣе связи двухъ обыкновенныхъ, нормальныхъ периодовъ. Революція есть дѣйствіе элементовъ всецѣло созданныхъ предыдущимъ временемъ и образованная ихъ взрывомъ новая обстановка есть только выявленное могущество этого времени. Смыслъ переворота въ томъ, что народъ отвергаетъ отжившія, переставшія соответствовать его психологіи формы, такъ же какъ новое существо откидываетъ свою сухую и мертвую личинку. Но надо побороть великій соблазнъ—отбросить вмѣстѣ съ формами мертвыми выросшія изъ нихъ формы живыя. Новый организмъ образовался не въ минуту появленія его на свѣтъ, а значительно раньше и долженъ хранить вѣрность общимъ и длительнымъ законамъ, обусловившимъ его составъ и образъ, и кругъ дѣйствія которыхъ во времени несравненно больше этого короткаго революціоннаго мига. То, что кажется ему непримиримымъ противорѣчіемъ, есть, на самомъ дѣлѣ, для сужденія въ высшемъ масштабѣ, сочетание, согласованность и преемственность.

Отмѣченная противоположность точекъ зрѣнія соотвѣтствуетъ въ значительной степени противоположности индивидуальнаго влеченія чловѣка и влеченія болѣе общаго, родового, расоваго, національнаго, вообще общественнаго. Чловѣкъ сознаетъ себя какъ самодовлѣющая личность и видитъ смыслъ своего существованія исключительно въ удовлетвореніи потребностей, связанныхъ съ узкимъ вождѣлніемъ его личнаго «я». Чловѣкъ сознаетъ себя какъ часть цѣлаго и интересы этого цѣлаго, воспринимаемые въ видѣ идей и чувствъ, переживаются личныя стремленія. Мы видимъ сейчасъ вокругъ себя трагическое столкновение этихъ двухъ міросозерцаній. Каждое имѣетъ свою неотразимую логику и послѣдователь-

ность. Но они абсолютно непримиримы, какъ сужденія совершенно различныхъ масштабовъ. Между ними нѣтъ возможнаго соглашенія, а есть одна только смертельная борьба. И конечно, сильнѣйшимъ оказывается стремленіе высшее, вытекающее изъ болѣе широкаго ощущенія смысла дѣйствительности. Обычно оно торжествуетъ и личность подавляется большими соединеніями. Послѣднія, правда, нерѣдко разлагаются вслѣдствіе разрушительной для нихъ себялюбивой работы индивидовъ, но индивидъ въ случаѣ побѣды можетъ достигнуть лишь того, что вмѣщается въ жизнь и смерть одной личности. За этимъ предѣломъ немедленно возникаетъ естественное влеченіе для новыхъ личностей къ новымъ соединеніямъ, и постоянное взаимодействіе двухъ началъ въ общемъ всегда сводится къ включенію чловѣка въ общественное цѣлое, что обусловлено предопредѣленнымъ ихъ отношеніемъ части къ цѣлому.

Вопросъ о воспріятіи исторіи имѣетъ тѣсную связь съ описанными процессами. Исторія—название для улавливаемой индивидомъ связи событій. Дѣйствія людей безъ пониманія этой связи лишены смысла. Они или не производятъ никакихъ послѣдствій по причинѣ отсутствія нужныхъ условій, или же дѣйствія эти приводятъ къ послѣдствіямъ совершенно не учитываемымъ ихъ авторами, какъ то чаще всего бываетъ въ общественной жизни. Такъ, желая обезпечить успѣхъ революціи путемъ крайнихъ средствъ, совершенно не соответствующихъ реальной обстановкѣ, люди вызываютъ реакцію,—и наоборотъ, подавляя съ излишней строгостью либеральное движеніе, вызываютъ революцію. Всѣ эти ошибки происходятъ отъ невниманія къ историческимъ законамъ и отъ связанной съ этимъ недостаткомъ невозможности въ политическихъ разсчетахъ опереться на реальное основаніе. Уже давно философы и ученые поставили вопросъ о научномъ изученіи социальныхъ явленій съ цѣлью найти для нихъ такіе же законы, какіе найдены точными науками для другихъ явленій жизни. Въ своей знаменитой классификаціи наукъ Огюстъ Контъ выдвинулъ новую науку, которая должна была отвѣчать этому заданію. Контъ полагалъ, что социологія стоитъ въ смыслѣ совершенства на низшей ступени лѣстницы знанія, но призвана стать вѣнцомъ всего чловѣческаго познанія. Онъ вѣрилъ въ возможность, путемъ кропотливаго изслѣдованія фактовъ съ примѣненіемъ позитивнаго метода, найти законы общественныхъ движеній. Послѣдующее развитіе социологическихъ изысканій не оправдало ожиданій. Несмотря на выдающіеся труды въ этой области, на появленіе цѣлыхъ школъ ученыхъ, изслѣдующихъ по избраннымъ принципамъ факты, до сихъ поръ наблюдается полное расхожденіе социологическихъ методовъ и субъективность всякихъ социологическихъ опредѣленій. Наболѣе приближаются, быть можетъ, къ требованіямъ научности объективные социологи, но и они должны исходить изъ весьма спорныхъ и шаткихъ философскихъ посылокъ, и законы ими введенные лишь въ слабой мѣрѣ отвѣчаютъ требованію регулировать проявленія общественной жизни. Единственной достовѣрной областью въ системѣ социологическихъ изслѣдованій остается исторія. Но исторія не можетъ занять мѣсто социологіи, такъ какъ она касается исключительно фактовъ уже данныхъ и носитъ поэтому всѣ черты чисто описательной науки. Наука же въ болѣе широкомъ смыслѣ требуетъ

предвидѣнія и возможности обоснованія этого предвидѣнія посредствомъ опыта. Исторія не можетъ дать такого предвидѣнія при помощи методовъ, употребляемыхъ точными науками.

Трудность, повидимому, заключается въ томъ, что сложность общественныхъ фактовъ не допускаетъ того искусственнаго упрощенія ихъ и освобожденія нѣкоторыхъ ихъ элементовъ, какое имѣетъ мѣсто въ опытахъ точныхъ наукъ надъ простыми явленіями. Всякій самый конкретный научный опытъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ опытъ отвлеченный, ибо отъ него отвлеченъ рядъ элементовъ, хотя бы, на примѣръ, психологическія и социологическія условія этого опыта. Социальное явленіе требуетъ отъ изслѣдователя разсмотрѣнія всей совокупности его элементовъ, не допуская никакого упрощенія и отвлеченія. Получается, слѣдовательно, необходимость метода, схватывающаго не часть, не отдѣльную сторону факта, а всю его многосторонность, всю его цѣлостность.

Этимъ объясняется неудача многихъ попытокъ научнаго использованія въ государственной работѣ уроковъ исторіи. Во всѣхъ нихъ заинтересованные дѣятели приступаютъ къ дѣлу съ тѣми же разсудочными приемами, съ которыми они привыкли научно мыслить. Давно извѣстно, что большія теоретическія знанія въ области государственной науки не обезпечиваютъ непремѣнно успѣха въ политикѣ. Нельзя сказать, что и голая практика, считающаяся съ исторіей, какъ съ данной реальностью, способна обезпечить искомую связь настоящаго съ прошлымъ и будущимъ. Тогда какъ теоретичность построеній создаетъ такую связь, но по большей части связь ложную или неполную, голая практика, если она не дѣйствуетъ вовсе слѣпо, внѣ всякой связи, склонна руководствоваться въ своихъ начинаніяхъ исключительно указаніями ближайшей грубой и внѣшней преемственности явленій.

Ясно, что правильный методъ заключается въ какомъ-то другомъ способѣ воспріятія исторіи. Сухое, чисто умственное ея изученіе не можетъ само по себѣ восполнить полный пробѣлъ ея незнанія. Необходимо какое-то иное, цѣлостное познаніе, не умомъ только, но всѣмъ существомъ чловѣка. Познаніе это есть познаніе прагматическое, познаніе дѣйствія. Чловѣкъ воспринимаетъ не однимъ какимъ-нибудь органомъ, но всею своею периферіей. Извѣстно правило искусныхъ борцовъ, по которому успѣхъ достигается посредствомъ использованія силы и вѣса всего тѣла, вмѣсто напряженія отдѣльныхъ мускуловъ.

Средство противъ бѣдъ, причиняемыхъ отрицаніемъ исторіи, есть не только ея изученіе, но прежде всего цѣлостное и глубокое ея ощущеніе. Изслѣдованіе прошлаго имѣетъ практическое значеніе лишь поскольку оно можетъ привести къ такому ощущенію, создать для него почву. Чувство это можетъ возникнуть и инстинктивно, безъ всякаго умственнаго постиженія историческихъ факторовъ. Мы видимъ примѣры этому въ тѣхъ случаяхъ, когда внезапныя событія, катастрофы, бѣдствія возмущаютъ въ народѣ стихійное чувство національнаго самосохраненія. Чувства такого порядка вообще являются главными двигателями событій и черезъ ихъ посредство осуществляется искомая нами связь. Нужно, чтобы люди умѣли улавливать въ себѣ нарастаніе этихъ чувствъ. Это внутренняя работа каждой личности, ея самопознаніе и самосознаніе, выводящее

ее изъ узкихъ береговъ личной отъединенности въ безбрежный сверхъличный океанъ. Человѣкъ въ извѣстныя минуты забываетъ себя и отдается внутренней своей стихии. Онъ чувствуетъ, что волна, въ немъ нарастающая, есть волна великаго моря, бьющаго внѣ его, какъ человѣка, соединяющаго его съ множествомъ другихъ прошлыхъ, настоящихъ и будущихъ людей. Въ такомъ сознании человѣкъ безконечно расширяется во времени и онъ уже не человѣкъ, а какое-то многомѣрное существо, съ корнями въ прошедшихъ вѣкахъ, съ верхушкой въ отдаленномъ будущемъ. Тогда происходитъ искомое чудо, возможность прозрѣнія. Тогда исторія перестаетъ ограничиваться однимъ прошлымъ. Такъ же какъ химикъ на основаніи разсужденія предсказываетъ результатъ извѣстнаго соединенія, государственный дѣятель, на основаніи цѣлостнаго ощущенія, предсказываетъ результатъ опыта въ общественной области. Наука о человѣческихъ поступкахъ получаетъ обоснованіе въ нашемъ внутреннемъ постиженіи исторической связи. Темная грѣховность маленькой и узкой жизни освѣщается прозрѣніемъ въ безбрежный свѣтъ времени, освящается руководимой этимъ прозрѣніемъ высшей дѣятельностью. И дѣйствія наши становятся ударами молота, кующаго, но не разбивающаго.

Нельзя не отмѣтить глубокаго философскаго значенія такого воспріятія прошлаго. Главное отличіе историческаго прозрѣнія, какъ метода, отъ научнаго предвидѣнія заключается, какъ мы видѣли, въ томъ, что первое является опытомъ всего человѣка, всей его жизни, тогда какъ второе—опытъ ограниченной сферы человѣческой дѣятельности. И тотъ, и другой опытъ имѣетъ силу исключительно какъ дѣйствіе, иначе онъ не былъ бы опытомъ. Но въ одномъ случаѣ это дѣйствіе цѣлостное, богатое всѣми возможностями человѣка, въ другомъ это дѣйствіе частичное, выявляющее могущество человѣка лишь въ одной области, въ одномъ разрѣзѣ дѣятельности. Для философа различіе это многозначительно. Въ связи съ нимъ намѣчается логическій мостъ между іерархией дѣйствія Конта, выраженной въ его лѣстницѣ наукъ, и іерархией бытія Платона и Спинозы, описанной въ послѣдовательности качествъ. Съ этой точки зрѣнія историческое прозрѣніе событій является высшимъ постиженіемъ конкретной дѣятельности, близко соприкасающимся, въ слѣдующей ступени познанія, съ постиженіемъ Божества. Историческое прозрѣніе таинственно расширяется въ минуты истиннаго вдохновенія таланта, переходитъ въ прозрѣніе биологическое и геологическое. Исторія людей становится исторіей земли и міра. Внезапно она, повѣствовательница времени, измѣняетъ ему, выходитъ изъ него, рисуетъ картину неподвижнаго становленія...

Если съ этихъ высотъ мы спустимся въ гущу окружающаго насъ русской дѣятельности, мы увидимъ въ людяхъ, борющихся кругомъ насъ, большее или меньшее участіе въ процессѣ воспріятія исторіи. Ощущенія большинства, какъ было выше отмѣчено, не доходятъ до подпочвы общественныхъ явленій, остаются короткими, обрываютъ и уродуютъ естественную связь вещей. Революція наша въ значительной степени построена на такихъ короткихъ ощущеніяхъ, и воображаемый массой перерывъ въ исторіи является слѣдствіемъ этой внутренней ограниченности. Она безконечно ослабляетъ творческую силу революціи, дѣлаетъ невозможной планомѣрную

общественную работу, отдаетъ строительство человѣческихъ отношеній самымъ ненадежнымъ и поверхностнымъ качествамъ—уму и страсти. И умъ, и страсть одинаково неорганичны, оторваны и слѣпы, выражая собой проявленіе слишкомъ малой части живого существа. Единственное спасеніе для русскаго общества, увлеченнаго на гибельный путь, сулящій ему мертвящій порядокъ доктрины или безпорядочную анархію отдѣльныхъ вождельній—въ обрѣтеніи снова историческихъ корней. Только углубленіемъ русскіхъ людей въ ихъ собственную душу, только восхожденіемъ къ болѣе широкому обзорѣнію окружающаго, только проникновеніемъ въ священную связь чередующихся состояній создастся спасительный для общества и народа поворотъ. Такое движеніе, когда оно рождается, приходитъ стихійно, съ небывалой силой, сметая все на своемъ пути. Чуткимъ людямъ по первымъ признакамъ возможно его предвидѣть и готовить паруса къ попутному вѣтру. Но когда буря грянетъ, она все увлечетъ за собой или сломаетъ.

Будемъ вѣрить въ грядущую, живительную бурю. Тяжело дышется въ раскаленномъ воздухѣ, гдѣ равновѣсіе стихій нарушено огнемъ въ ущербъ оживляющей влагѣ. И огонь, и влага одинаково нужны для творчества рождающей почвы. Будемъ ждать послѣдняго слова русскаго народа, слова истиннаго, слова цѣлостнаго, грознаго и повелительнаго, какъ воля родимой земли.

Петроградъ 21 июля 1917 г.

В. Муравьевъ.

ПИСЬМА СЪ ФРОНТА.

Письмо первое.

Москва.

Брянскій вокзалъ.

Юльскій вечеръ, но непогожий, словно сентябрьскій: прохладно, дождикъ мороситъ, тяжелыя облака на вечернемъ небѣ.

Черезъ десять минутъ отходить поѣздъ.

Я уѣзжаю на фронтъ. Который разъ, не сочтешь, и первый, всего лишь первый разъ я ѣду въ ряды свободной русской арміи.

И всплываетъ все прожитое за эти три долгие года войны. Все. Съ самаго начала. А начало было на этомъ самомъ Брянскомъ вокзалѣ, на этой самой платформѣ.

Быль тоже июль, но вечеръ былъ тихій и ласковый. Всѣ платформы Брянскаго вокзала были запружены пестрой толпой. Это насъ, добровольцевъ отправляющихся въ дѣйствующую армію провожали москвичи.

Мнѣ трудно сейчасъ подробно и точно разсказать все, что было тогда. Было что-то ликующее, красочное, необыкновенно восторженное.

Помню, я стоялъ въ толпѣ товарищей добровольцевъ въ дверяхъ телячьяго вагона у дверной перекладки. На мнѣ была солдатская гимнастерка, и эта солдатская гимнастерка, всего лишь утромъ надѣтая, словно на крыльяхъ поднимала, и самому себѣ я казался другимъ, особеннымъ, переродившимся, отличнымъ отъ всѣхъ другихъ.

Внизу подъ ногами колыхалось пестрое море изъ шляпокъ, платковъ, фуражекъ и кепокъ. Всѣ кричали, шутили, смѣялись, засыпали восторженными напутствіями.

Можетъ быть, и были тутъ слезы, но онѣ затерялись

въ клокочущей вокругъ безудержной, безпричинной радости.

Намъ, отъѣзжающимъ, надавали массу цвѣтовъ, и сластей.

И вотъ тронулся поѣздъ. Дрогнула пестрая толпа. Могучій порывъ охватилъ всѣхъ: и провожающихъ, и отъѣзжающихъ. «Ура» прокатилось по перрону и заглушило громыханье медленно уходящаго поѣзда. Кто кричалъ, кто пѣлъ, кто-то истерично выкрикивалъ здравицы, и всѣ махали и бѣжали за вагонами.

Да, все это было три года назадъ.

Теперь я упорно вглядываюсь въ сѣрую толпу солдатъ, суетящуюся на перронѣ, въ немногія фигуры провожающихъ и все стараюсь найти въ этой вокзальной сутолкѣ предъ уходомъ поѣзда хоть какіе-нибудь намеки на то, что три года тому назадъ пережито.

И не нахожу.

И отъ этого ли, или отъ дождливаго, унылаго вечера тоскливо и сѣро на душѣ. Что-то такое заискрилось, что-то такое проснулось въ душѣ, давно неизвѣданное и прекрасное, когда лихо подкатилъ извощикъ къ вокзалу и побѣжалъ носильщикъ въ бѣломъ фартукѣ, когда ударилъ въ носъ острый запахъ каменнаго угля и охватила знакомая сутолока вокзала.

Что-то проснулось, что-то было тогда, но сейчасъ все погасло, все ушло.

И снова дразнить то давнее, радостное, гдѣ «телячьи» вагоны, смѣхъ, радость и толпы провожающихъ.

Три звонка...

Поднимаюсь въ свой вагонъ, мимо галантнаго кондуктора, въ шитой галуномъ французской кепкѣ, почтительно уступающаго дорогу.

Загромыхалъ поѣздъ.

Я не сталъ впиваться долгими, прощальными взглядами на десятки верстъ раскинувшуюся красавицу-Москву, какъ это бывало раньше.

Я спустил шторы въ своемъ купѣ, зажегъ электричество и раскрылъ газету.

Мелькали предъ глазами ровныя строки, но все вниманіе было сосредоточено на томъ, какъ стучали колеса по рельсамъ. Такъ, тукъ, тукъ... Такъ, тукъ, тукъ... И все дальше и дальше...

Что-то будетъ?

Письмо второе.

Раскаленное солнце надъ раскаленной землей.

Медленно и осторожно, обходя рытвины и выбоины и приостанавливаясь на пересѣкающихъ дорогу канавахъ, пробирается нашъ автомобиль по запруженному обозами и пылающему жаромъ шоссе.—

Въ автомобиль насъ трое. На переднихъ мѣстахъ военный шофферъ, юноша-хохолъ, въ необыкновенно засаленной и растегнутой отъ жары гимнастеркѣ, въ огромныхъ запыленныхъ очкахъ. На заднихъ мѣстахъ казачій офицеръ, сотникъ и я.

Всѣхъ насъ свела судьба въ этотъ автомобиль случайно. Шофферъ ѣхалъ изъ Кіева, гдѣ чинилъ свою машину, въ дивизию, по дорогѣ посадилъ казачьяго офицера, а сегодня утромъ наткнулся на меня, разыскивающаго оказію до штаба корпуса, и послѣ долгихъ переговоровъ согласился подвезти.

Мы ѣдемъ по широкой и ровной долинѣ рѣки Прута, между двумя горными отрогами. Мы ѣдемъ въ предъгорьяхъ Карпатъ, и чѣмъ дальше мы ѣдемъ, тѣмъ

больше замыкаются горныя кряжи справа и слѣва и теряются въ далекихъ, окутанныхъ дымкой горахъ.

Мы ѣдемъ навстрѣчу отступающимъ войскамъ. Тянутся и тянутся по разбитому шоссе войсковыя обозы. Заморенныя, загнанныя, съ понурыми головами, покрытыя коркой запекшейся въ поту пыли, лошади тянутъ перегруженныя фурманки. Отъ этихъ фурманокъ первое впечатлѣніе такое, какъ будто военныя обозы нанялись, чтобъ вывезти изъ Галиціи бѣженцевъ. Двуколки и фурманки до самаго верха нагружены столами, стульями, диванами, корытами, горшками, разными предметами домашняго обихода. И чуть не на каждой фурманкѣ по женщинѣ. Многія съ дѣтьми. Это или солдатскія жены, или просто прижившіяся у хлѣбныхъ обозовъ, Богъ знаетъ откуда и какъ прибывшія.

Я видѣлъ солдатъ, которые правили лошадьми и одновременно держали дѣтей.

Еще вчера на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, когда мы встрѣчали поѣзда съ эвакуирующимися штабами, съ разными тыловыми мастерскими и учреждениями, съ радиотелеграфными станціями, бросилась въ глаза эта новая черта русской арміи—обиліе женщинъ.

Но тамъ, среди людей, можетъ быть никогда не слышавшихъ орудійнаго выстрѣла, хотя и именуемыхъ военными, это было понятно и не страшно, но здѣсь, при гулѣ уже не такъ далекой кононады, это наводило на жуткія размышленія, и отъ отступающей арміи вѣяло чѣмъ-то безсильнымъ, разлагающимъ, обабившимся.

Мы ѣдемъ какъ въ туманѣ, въ волнахъ сѣрой, ѣдкой пыли. Все, что идетъ навстрѣчу, все, что мы обгоняемъ, все, мимо чего мы проѣзжаемъ, все покрыла сѣрая, горячая пыль. Деревья, люди, трава, столбы, лошади, дома около шоссе—все въ сѣромъ горячемъ покровѣ.

Если встрѣчается автомобиль или громыхають навстрѣчу на рысяхъ пустые снарядныя ящики, пыль поднимается настолько густыми клубами, что въ этихъ клубахъ скрывается все, и шофферу приходится останавливать машину, чтобы не свалиться съ шоссе. Въ раскаленномъ и остановившемся воздухѣ іюльскаго полудня медленно расходитъ пыль и иногда мы стоимъ порядочно долго, пока явится возможность двигаться дальше.

По полю у краевъ шоссе плетутся солдаты, ѣдетъ конница. Куда идутъ эти толпы людей, трудно догадаться, а спрошенные мною ничего мнѣ не сумѣли отвѣтить. У всѣхъ у нихъ измученный видъ, красныя отъ пыли глаза и запекшіяся губы. И плетутся они еле-еле, устало передвигая ногами.

Нѣкоторые изъ нихъ съ обвязанными пальцами, съ подвязанными руками. Многіе идутъ безъ сапогъ и, конечно, въ кровь стерли себѣ ноги. Они останавливаются у края шоссе, опираясь на костыли, показываютъ свои стертые и обмотанныя тряпьемъ ноги проѣзжающимъ и умоляютъ взять ихъ. Но тѣ, кто сидитъ на загруженныхъ подводахъ, у которыхъ такіе же красныя отъ пыли глаза и запекшіяся губы, они смотрятъ на нихъ безучастно и безучастно проѣзжаютъ дальше.

Много попадаетъ навстрѣчу отрядовъ союзныхъ. Въ санитарныхъ двуколкахъ, спасаясь отъ жары и пыли, лежатъ сестры.

И все это, и плетущихся солдатъ, и громыхающія фурманки, и растянувшихся въ двуколкахъ сестеръ,

все жжетъ, пронизываетъ, мучитъ своимъ сухимъ, нестерпимымъ жаромъ раскаленное солнце юга, багровое отъ пропитаннаго пылью воздуха.

Отъ страшной жары падаютъ люди и лошади. Людей забираютъ и отвозятъ въ деревни, а лошадей бросаютъ въ канаву около шоссе.

Отъ этой жары иногда сами собой вспыхиваютъ пропитанные бензиномъ автомобили. Отъ нея какъ въ котлѣ кипитъ вода въ радиаторѣ нашего автомобиля и обдаетъ насъ горячими брызгами.

И произошло то, что всегда происходитъ въ этихъ случаяхъ.

Тревожно перегнулся шофферъ черезъ бортъ автомобиля, глянулъ на лѣвое заднее колесо, крѣпко выругался и остановилъ машину.

— «Спустила, сволочь».

Мы вышли изъ автомобиля и уныло смотрѣли на расплюснутую подъ тяжелыми колесами шину.

Сразу охватилъ раскаленный воздухъ полудня, не такой мучительный во время бѣга автомобиля. Бѣдная пыль наплзла на нашъ остановившійся автомобиль, запершила въ горлѣ, заколола глаза и закрутилась на зубахъ.

Шофферъ поднялъ сидѣнье, досталъ инструменты и сталъ возиться съ прорванной шиной. Грязныя капли пота скатывались у него съ лица и падали на мягкій пухъ дорожной пыли.

Нестерпимо палить солнце. Мой спутникъ, казачій офицеръ, расхлябался. Говоритъ, что стучитъ въ вискахъ и кружится голова. Я порекомендовалъ ему не стоять, а сѣсть. Онъ сѣлъ у края дороги.

Пышетъ жаромъ пыльное шоссе.

Тянутся обозы, обдавая насъ клубами пыли. Сырое отъ пота бѣлье прилипло къ тѣлу. Кружится голова.

Направо и налево тянется еще такъ недавно цвѣтущее, но сейчасъ вытопанное и выжженное солнцемъ поле.

Ни кустика, ни деревца на полѣ, ни капли воды.

Я вижу, какъ мой спутникъ, какъ-то странно опустилъ голову и свалился на бокъ. Я подбѣжалъ къ нему. Онъ тяжело дышалъ, лежалъ съ закрытыми глазами и ослабѣвшей рукой пытался разстегнуть воротъ суконной рубашки. Я отвелъ его съ края канавы и положилъ на пыльную дорогу въ тѣни автомобильнаго кузова.

Не было воды, и я слюной намочилъ ему лобъ и покрылъ платкомъ.

Прапорщикъ Г. Г. Ушаковъ.

24/VII 1917. Новоселица.

ПРИНЦИПЪ НАЦИОНАЛЬНАГО САМО-ОПРЕДѢЛЕНІЯ.

1.

Провозглашенный въ русской политикѣ принципъ національнаго самоопредѣленія, при проведеніи его въ жизнь, долженъ встрѣтить многія возраженія, какъ практическаго, такъ и принципиальнаго характера. Не легко расчленивъ на первоначальные этнографическіе элементы вѣками сложившееся тѣло русскаго государства. Приведемъ примѣръ. Представимъ себѣ, что Украина и Польша образуютъ два автономныхъ государства. Установить этнографиче-

скую границу этихъ двухъ государствъ—трудная задача. Если мы взглянемъ на историческую карту, то увидимъ, какъ неопредѣленна и измѣнчива граница между Польшей и Украиной. Конечно, объ народности пожелаютъ восстановленія своихъ границъ, какими онѣ были въ эпоху наибольшаго расширенія Польши и Украины. Какъ на примѣръ можетъ быть рѣшенъ вопросъ относительно Холмской губерніи? На самой зарѣ нашей истории эта область перешла въ руки поляковъ. Культура ея чисто-польская и латинская, украинская народность сохранилась преимущественно по деревнямъ.

Когда Холмщина была выдѣлена изъ Царства Польскаго и присоединена къ Россіи, поляки назвали этотъ актъ «четвертымъ раздѣломъ Польши». Уже это достаточно свидѣтельствуеетъ, что ни преданія древняго періода нашей истории, ни значительный процентъ русскаго населенія Холмщины не являются въ глазахъ Польши достаточнымъ основаніемъ для отказа отъ своихъ правъ на эту область.

Кромѣ практическихъ затрудненій этнографическій принципъ встрѣчаетъ возраженія со стороны идейной. Многие замѣчаютъ, что этотъ принципъ по существу реакціонный, а не прогрессивный, и кромѣ того антиисторическій, поскольку онъ зачеркиваетъ культурное развитіе и стремится однимъ актомъ повернуть назадъ колесо истории. Народность сама по себѣ есть не цѣль, а средство, народность—не форма, а матерія, не актъ, а потенція. Вопросъ въ томъ, къ чему опредѣлить себя народность, какія она поставитъ себѣ культурныя задачи.

«Не добро человѣку быть одному» сказано въ библии. Не добро и народу быть одному. Наиболѣе совершенное изъ государствъ міра, государство римское, начинается свое бытіе изъ союза нѣсколькихъ общинъ, оно втягиваетъ въ этотъ союзъ сначала сосѣдніе народы, наконецъ перекидывается за море и охватываетъ кольцомъ своей государственности весь цивилизованный міръ. Въ средние вѣка эта имперія проникается христіанскимъ началомъ и опредѣляетъ себя какъ вселенская церковь. Христіанство является для среднихъ вѣковъ связующимъ началомъ, Европа сознаетъ себя какъ единое цѣлое. Реформація разбиваетъ эту идею религіознаго единства, она выдвигаетъ принципъ національно-государственный. Средоточіемъ реформаціонныхъ идей становится Германія. Отсюда начало европейскаго сепаратизма. Отъ XVI до XX вѣка въ Европѣ крѣпнетъ и развивается принципъ національнаго государства. Религіозное единство Европы разрушается. Нации преслѣдуютъ свои эгоистическія цѣли, для борьбы другъ съ другомъ онѣ соединяются съ азиатскими народами. Впереди этого новаго европейскаго развитія идетъ Германія, въ самой Германіи—Пруссія. Пруссія, этотъ исконный очагъ протестантскихъ идей, получивъ гегемонію въ Германіи, создаетъ какъ бы философію и религію государственности. Въ Петроградѣ подражаютъ этой философіи.

Небывалая катастрофа современной войны наглядно показала безуміе національно-государственнаго принципа, обнаженнаго отъ культурныхъ и религіозныхъ идеаловъ. Враждующъ другъ съ другомъ, вступая въ коалиціи исключительно на матеріальныхъ и грубо корыстныхъ основаніяхъ, народы Европы изжили національно-государственный принципъ. Или Европа находится наканунѣ своего окончательнаго

развала, или изъ крови войны родится новая Европа, возникнетъ новое европейское единство.

Изъ какихъ элементовъ составится это единство? Прежде всего на смѣну государственно-национальнаго принципа, господствовавшаго въ Европѣ за послѣднѣе вѣка, идетъ принципъ социалистическій и международный. Слабая сторона социализма, его философія, основанная на грубомъ материализмѣ и атеизмѣ, развившаяся изъ лѣваго гегельянства. Разрушая фетишь нации и государства, этотъ социализмъ сооружаетъ новый фетишь рабочаго класса, пролетаріата. Если является надежда на окончаніе борьбы народовъ, то выдвигается и новая опасность: борьба классовъ. Если рождающаяся социалистическая Европа желаетъ дѣйствительнаго мира и плодотворнаго культурнаго развитія, то она должна искать себѣ и вышшаго религіознаго оформленія. Когда социализмъ разрушитъ национальные кумиры, передъ народами встанетъ дилемма: создать себѣ новые кумиры или обратиться къ истинному Богу. Новые кумиры приведутъ къ новымъ войнамъ и опустошеніямъ, истинный Богъ дастъ миръ народамъ.

II.

Самодержавная Россія не могла болѣе существовать потому, что она сознала свою власть какъ самоцѣль, отбросила культурные и религіозные цѣнности. Нѣмецкій империализмъ былъ совершеннѣе русскаго. Интересы династии въ Германіи не переставали отождествлять себя съ благомъ германскаго «народа» и интересами «цивилизации». Послѣдніе Романовы были равнодушны къ благу народа и цивилизации. Петроградское правительство являлось только раковой опухолью на народномъ тѣлѣ.

Не будемъ несправедливы къ прошлому, не будемъ въ исторіи русской Имперіи замѣчать однѣ тѣневныя стороны. Исторія развивается логически, нельзя произвольно оборвать ее на томъ или другомъ мѣстѣ, какъ это дѣлали славянофилы, произвольно идеализируя то Киевскую Русь, то XVII вѣкъ. Полуфеодалныя формы удѣльнаго періода показали свою непригодность въ борьбѣ съ татарами. Для восстановления разгромленной Руси нужна была государственность, эту государственность заимствовали мы сначала изъ Византіи, затѣмъ изъ Германіи. Мы благодарны московскимъ царямъ-собирателямъ Руси, благодарны и петербургскому періоду, когда Русь закована была въ формы европейской государственности. Однако темныя пятна рѣзко выступаютъ на лицѣ нашей исторіи.

«Единство»—возвѣстилъ оракуль нашихъ дней.—

Быть можетъ спаяно желѣзомъ лишь и кровью.

Но мы попробуемъ спаять его любовью...

Такъ говорилъ славянофилъ Тютчевъ, противопоставляя русскую политику, основанную на любви, желѣзной политикѣ князя Бисмарка. Но это былъ непростительный утопизмъ. Тѣ же приемы Бисмарка примѣнялись въ русской политикѣ и никто даже не «пробовалъ» «любовью» привязать къ намъ Польшу и Финляндію. Желѣзомъ и кровью бюрократическій Петроградъ сдерживалъ нестройное, разноплеменное тѣло Россіи. Но все менѣе и менѣе дѣлалась ясна цѣль этого единства. Два начала были оставлены въ презрѣніи Петроградской Россіей—народность и церковь. Дворянская Россія имѣла свою культуру, свою

науку и искусство, народъ погибалъ въ рабствѣ и невѣжествѣ. Церковь перестала быть нравственнымъ, направляющимъ началомъ, она превратилась въ самый темный уголокъ государства, гдѣ-то рядомъ съ участкомъ.

Все же отъ Екатерины до Александра I Россія сохраняла одну несомнѣнную цѣнность: культуру. Пусть односторонне, все же культура развивалась. Со времени Александра III самодержавная Россія ставитъ себѣ цѣлью задушить культуру, понемногу парализуется вся духовная жизнь Россіи. Въ бюрократическихъ тискахъ стонетъ наука, стонетъ общественность и—увы!—не стонетъ, а благодушествуетъ церковь, совѣсть которой усыплена орденами и деньгами.

Наконецъ пробилъ роковой часъ. Проснувшаяся Россія протерла глаза и устремилась въ Галицію, вновь загрузила о Царьградѣ. Но тутъ-то исторія властно произнесла: «стой! ты прожила весь духовный капиталъ, завѣщанный тебѣ вѣками, ты—нищая передъ Европой; тебѣ надо пережить подвигъ покаянія и возрожденія, а не насаждать въ цивилизованныхъ странахъ ту культуру, которой ты сама не имѣешь, не нести другимъ народамъ церковь, которую ты у себя разрушила». Россія поняла грозный урокъ исторіи, занялась внутреннимъ переустройствомъ. Первый шагъ былъ удаченъ, онъ превзошелъ ожиданія. Изжившее себя, безпринципное самодержавіе развалилось отъ перваго удара, какъ гнилой грибокъ. Но тутъ пришла пора тяжелаго испытанія. Общество, въ которомъ систематически вытраивалась самодѣятельность, народъ, лишенный цивилизации,— что могли они поставить на мѣсто прежней Россіи? Попытка лучшихъ русскихъ людей, воспитанныхъ на европейскомъ правѣ и наукѣ, должны были разбиться о стѣну вѣковаго варварства и стихійной безсознательности.

Прежде наши солдаты шли въ бой безсознательно, изъ чувства послушанія. Но вотъ пробуждается сознание, дается право самоопредѣленія. Выступаетъ естественное, законное чувство самосохраненія, выступаетъ вѣчная правда животнаго эгоизма. То, что мнѣ пуля попадетъ въ животь, мнѣ будетъ больно и я умру—это несомнѣнная правда. А для чего я подвергнусь всему этому? Для Россіи! А что такое Россія? Наступаетъ вѣкъ социализма, во главѣ Россіи стоятъ социалисты, принципиальные отрицатели народности. Украина не сознаетъ себя однимъ цѣлымъ съ Россіей, она даже склоняется къ протекторату Австріи, Финляндія отпадаетъ. Гдѣ же Россія? Для чего жертвовать жизнью?

Нельзя требовать отъ раба чувства чести. Офицеръ, воспитанный на европейской, въ корнѣ рыцарской культурѣ, идетъ умирать изъ чувства чести. Но солдатъ изъ мужиковъ, развращенный вѣковымъ рабствомъ, не можетъ имѣть этого чувства. Убейте въ немъ рабское сознание, и тогда онъ достойно проявитъ свою свободу, но смѣшно сейчасъ требовать отъ него самоотверженія «во имя идеи».

Остается ужасный фактъ. Единство Россіи распалось, невозможно его создать вновь подъ грохотъ пушекъ, когда войска отступаютъ со стремительной быстротой, а нѣмцы угрожаютъ Киеву и Петрограду.

Вспоминаютъ 1612 годъ. Но что же тутъ похожего? Тогда былъ общій народный идеалъ, былъ и царь-

«Батюшка, «древнее русское православие» и т. д. Теперь возврата къ этому нѣтъ, «царь-батюшка» можетъ быть только декадентской стилизаціей.

Если русское единство становится фикціей, то реальнымъ остается европейское единство. Мы должны теперь сознать, что, разрушивъ самодержавіе, мы только сломали дерево, но не вырвали его корень, и корень этотъ даетъ уже новые, еще болѣе страшные побѣги.

Императорская Россія все же сознавала свою отвѣтственность передъ Европой, свою связь съ ея интересами. Новая анархическая Россія съ ребяческой наивностью рѣшила устроиться сама-собою и навязать Европѣ свои законы. Поразительное совпаденіе со славянофильствомъ, славянофильство наизнанку, то было «славянофильство справа», теперь «славянофильство слѣва». И какъ правое славянофильство въ своемъ оттолкновеніи отъ Европы въ сущности отталкивалось только отъ «крайней Европы»—Франціи и Англии, входя въ союзъ съ Германіей, такъ и «лѣвое славянофильство», развращенное германской социаль-демократіей. То было правое гегельянство, это—лѣвое.

Вѣрность союзникамъ—единственный выходъ для Россіи. Но несомнѣнно и то, что въ хаотической революціонной Россіи зрѣетъ великая мысль, исконная русская мысль, мысль «вселенская». Эта мысль не умѣетъ себя оформить, она безобразно искажается подъ влияніемъ злыхъ силъ, охватившихъ Россію.

Нашъ народъ по природѣ универсаленъ. Надо только, чтобы этотъ универсализмъ вышелъ изъ своего хаотическаго, потенциальнаго состоянія, чтобы онъ принялъ форму христіанскаго универсализма. Эта же форма есть вселенская церковь.

Характерно, что во время брани европейскихъ народовъ два голоса звучали нейтрально, двѣ силы стремились положить конецъ самоистребленію народовъ и возстановить согласіе въ Европѣ.

Это были голоса Вильсона и римскаго престола. Одинъ голосъ передовой націи современнаго міра, націи ближайшаго будущаго, послѣднее слово современной цивилизаціи, другой—голосъ древней и неизмѣнно звучащей въ теченіе девятнадцати вѣвѣковъ. Въ первомъ—динамика исторіи, во второмъ—ея статика.

Возвращаясь къ началу нашей статьи, мы повторяемъ, что принципъ національнаго самоопредѣленія—условный и неустойчивый, онъ есть возвращеніе вспять. Съ другой стороны принципъ національно-государственный изживаетъ себя, не удовлетворяетъ народы, и поддерживать его—безцѣльно. Новыя условія европейской жизни могутъ образоваться изъ воздѣйствія двухъ элементовъ: динамическаго, т. е. социалистическаго, сверхнаціональнаго, и статическаго, неподвижнаго преданія вселенской церкви. Въ этомъ переустройствѣ міровыхъ условій Россіи принадлежитъ большая роль, какія бы тяжелыя пораженія ни постигали ее сейчасъ. При теперешнемъ же положеніи вещей, вѣрность Франціи и Англии—единственная возможность сохраненія нашего національнаго бытія. Пока не сломленъ прусскій империализмъ, говорить о какомъ-нибудь переустройствѣ Европы на социалистическихъ началахъ—пустое дѣло.

Священникъ Сергій Соловьевъ.

ВОЙНА И СУДЬБЫ МОНАРХІИ.

Статья вторая.

Въ предшествующей статьѣ было указано, что главнымъ виновникомъ войны является Вильгельмъ II.

Положимъ, виновенъ не одинъ Вильгельмъ. Вокругъ него было не мало людей, охваченныхъ, какъ онъ, воинственнымъ пыломъ, ищущихъ и жаждущихъ войны.

Дѣло въ томъ, что долгія и упорныя приготовления къ войнѣ порождаютъ теченія, благоприятныя войнѣ. Старое изреченіе: si vis pacem, para bellum (если хочешь мира, готовься къ войнѣ)—неправильно въ томъ смыслѣ, что дѣятельная подготовка къ войнѣ психологически приближаетъ войну.

Во атмосферѣ дѣловаго изученія войны и сборки ея аппарата утрачивается ощущеніе ея моральнаго ужаса. Создается классъ людей, сживающихся съ войной, какъ съ профессіей, и относящихся къ войнѣ съ тѣмъ же равнодушіемъ и съ тѣмъ же интересомъ, какъ къ профессіи. Всѣ эти изобрѣтатели и стратеги, и искатели сильныхъ ощущеній, и просто карьеристы естественно стремятся перейти отъ картъ, отъ мертваго матеріала, отъ маневровъ къ дѣйствительному испытанію и настоящей работѣ на войнѣ. Безъ преувеличенія можно сказать, что атмосфера современнаго милитаризма благоприятна для образованія типа людей, немногимъ отличающихся отъ средневѣковыхъ кондотьеровъ. Къ нимъ примыкаютъ люди, которымъ война выгодна съ коммерческой точки зрѣнія. Таковы собственники и крупные акціонеры предприятий, изготовляющихъ предметы вооруженія. Такова въ Германіи была группа такъ называемыхъ юнкеровъ, т. е. дворянъ-землевладѣльцевъ, разсчитывающихъ, что война повыситъ цѣны сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Но надо сказать, что эти люди, спекулирующие на выгоды войны, и въ Германіи и вообще составляли ничтожное меньшинство.

О прибыльности войны съ государственной точки зрѣнія не можетъ быть и рѣчи, и это не только потому, что для государства обязательны приоритеты моральныхъ цѣнностей передъ экономическими, но и потому что правильный дѣловой разсчетъ убѣждаетъ въ разорительности войны—даже войны побѣдоносной—для народнаго хозяйства въ его цѣломъ и для національной промышленности въ ея цѣломъ. Недаромъ наука до войны единогласно, за ничтожными исключениями, въ томъ числѣ и германская наука, доказывала недопустимость войны съ экономической точки зрѣнія. Правда, прогнозы экономической науки въ значительной степени опровергнуты текущей войной, но основной тезисъ объ убыточности войны, каковъ бы ни былъ исходъ ея, для народнаго хозяйства въ его цѣломъ переживаемой нами войной подтвержденъ безусловно. Поэтому только близорукая, невѣжественная политика и хищническій разсчетъ могутъ опираться на войну. Образованный государственный дѣятель и дальновидный промышленникъ съ одинаковымъ отвращеніемъ должны относиться къ планамъ экономическаго подъема и промышленнаго развитія, имѣющимъ исходнымъ пунктомъ войну. Утвержденіе нѣкоторыхъ социаль-демократическихъ писателей объ экономической неизбѣжности войны при современной капиталистической формѣ производства,—никогда не было научно доказано. Если и можно принять, что

империализм является необходимым этапом развития капитализма, то отнюдь нельзя согласиться, что империализм необходимо приводит к войне. Если под империализмом разуметь политику захвата новых рынков для монополюющей или преимущественной эксплуатации, то надо сказать, что такая политика по плечу лишь сильной промышленности, располагающей значительными средствами мирного завоевания.

Прочный успех такой политики обеспечивается техническими усовершенствованиями, а отнюдь не применением физической силы. На этот путь мирных завоеваний вступил и германский империализм до войны и достиг на нем значительных успехов, успехи, которые обещали новые успехи.

Для него таким образом война была не нужна и во всяком случае отнюдь не была необходимостью. Но если империализм, и в частности германский империализм, не упирается необходимо в войну, то все же нельзя не отметить, что его атмосфера весьма благоприятна для зарождения и болѣе или менѣе пышнаго расцвѣта разных хищнических планов и воинственных авантюръ.

И опорным пунктом для этих планов и авантюръ явился германский двор: в его среде империализм мирный претворился в империализм воинствующий.

Двор повсюду и всегда далек от народа и чужд действительным интересам и нуждам народной жизни. Престол обыкновенно окружается людьми, которым непонятна, а часто и смѣшна психология и идеология труда, которым близка и свойственна психология и идеология праздности. Воспитанные в этой среде представители династии обычно оказываются отставшими от своего вѣка; они живут переживаниями прошлаго, а не требованиями настоящаго времени; они сильны традициями, а не идеями.

Романтический отпечаток, свойственный монархии, и искусственно поддерживаемый средой и воспитанием монархов, сближает монархию нашего времени с монархиями старины. Несмотря на внутреннюю глубокую преобразование, которая пережила монархия за долгий период своего существования, она и до сих пор сохранила в своей среде воззрения и чувства, которые сложились и окрепли еще в ту эпоху, когда война была единственным призванием монархов и единственным способом разрѣшения международных столкновений.

И когда во главѣ монархии становится человек безмѣрнаго честолюбія и неукротимаго темперамента и воли,—опасности, таящаяся в монархии, опасности, заключающаяся в глубочайшем разрывѣ между чувствами и идеями трона и народа,—вырастают до громадных размѣров, и перед народами развѣвается пропасть войны.

Так именно сложились судьбы народов при Вильгельмѣ II и благодаря ему. Не онъ одинъ, но онъ—главный виновникъ войны. Пользуясь своей властью и влиянием, онъ, какъ магнитъ, стянулъ вокругъ себя силы, вызывающія войну. Ослѣпленный славолубивой мечтой, онъ истолковалъ проекты личного обогащения нѣкоторыхъ и немногихъ в смыслѣ национальной необходимости, обострилъ сложившіяся конфликты, отринувъ способы мирнаго его улаживания и кинулъ народы в мировую войну, увѣренный в побѣдѣ Германии и собственномъ апофеозѣ.

Кто не стоит на точкѣ зрѣнія грубаго и упрощеннаго экономического материализма, давно отринутаго наукой, кто признаетъ силу и значение чело-вѣческой воли на аренѣ истории, тотъ не можетъ не усмотрѣть преобладающей роли политическихъ факторовъ в инсценировании настоящей войны и среди этихъ факторовъ на первомъ мѣстѣ—монархическаго принципа.

Центромъ монархическаго принципа со времени создания Германской имперіи сталъ Берлинъ. Изъ Берлина шла идеология монархическаго принципа, его научная разработка и его философія. Достаточно вь этомъ отношеніи напомнить имена Штала и Трейчке, Лабанда и Ягемана. Вмѣстѣ съ тѣмъ Берлинъ на примѣрѣ материальнаго благоденствія, торгово-промышленнаго преуспѣванія и военной мощи Германии, которая онъ приписывалъ всецѣло дѣйствию монархическаго принципа, доказывалъ практическую цѣнность для народовъ этого начала. Наконецъ, война должна была засвидѣтельствовать передъ всѣмъ міромъ превосходство и силу монархическаго принципа и этимъ самымъ укрѣпить его на долгие годы. Но судьба рѣшила иначе. Война обернулась противъ монархическаго принципа, и какъ бы теперь ни закончилась война, монархія окажется разбитой и побѣжденной.

Недаромъ противъ Германии и Австро-Венгрии встали крупнѣйшія демократіи міра. Народы борются съ монархиями вь послѣдней схваткѣ за свое окончательное политическое освобождение.

Можно ждать, что нынѣшняя война явится послѣднимъ завершительнымъ актомъ вь давней борьбѣ за торжество народнаго суверенитета.

Наблюдения надъ развитіемъ современныхъ демократіи ясно показали, что побѣда внутри страны народа надъ монархомъ не имѣетъ еще рѣшающаго значенія для полнаго торжества демократическихъ идей, что наличность вь Европѣ сильныхъ и властныхъ монархій вь значительной степени препятствуетъ свободнымъ народамъ подчинить государственную и международную жизнь новымъ принципамъ и новымъ идеаламъ.

Нѣкогда вь эпоху великой французской революціи коалиція европейскихъ монарховъ обрушилась на Францію, опасаясь, что революціонныя идеи и мечты о народномъ верховенствѣ подкопаютъ почву подъ престолами. Тогда коалиція была побѣждена; но престолы остались, и вь концѣ концовъ идеи и мечты революции понесли ущербъ. Теперь настало время новой коалиціи свободныхъ народовъ противъ монархій, дабы пресѣчь растлѣвающее свободу дѣйствіе монархическихъ идей и настроений. Ибо свободные народы сознали всю опасность, которая постоянно грозитъ ихъ дѣлу, пока существуютъ вь мірѣ монархія. Эта опасность заключается не только вь томъ, что дворъ, подобный Берлинскому, можетъ зажечь факель мирового пожара, но и вь томъ, что даже вь мирное время дворы, особенно дворы дуалистическихъ монархій, являются центрами агрессивной политики, къ которой невольно должна приноравливаться и международная политика свободныхъ демократіи.

Эта политика вь значительной степени проникнута старыми предрасудками и чужда духу современныхъ демократіи. Она искусственно поддерживаетъ разнѣ

между народами и препятствует торжеству началъ челоуѣчности.

Монархія нѣкогда была силой культурной, содѣйствующей движенію народовъ впередъ. Въ настоящее время она является силой, задерживающей дальнѣйшее развитіе передовыхъ народовъ и достиженіе ими высшихъ ступеней культуры и прогресса.

Война воочію показала опасности монархii и для внутренней жизни народовъ. Развертывающіеся нынѣ въ Германii политическіи кризисъ вызванъ по преимуществу нежеланіемъ Вильгельма II разставаться со своими завоевательными мечтаніями и вообще его упорствомъ въ отстаиваніи права собственной единоличной волей опредѣлять судьбы народа, куда бы эта воля народъ ни привела.

Тѣ же тенденціи проявлялъ и Николай II, и надо ли напоминать, какъ дорого за нихъ заплатила Россія. Постоянная угроза сепаратнаго мира, назначеніе министровъ предателей и казнокрадовъ или круглыхъ бездарностей, поставившихъ Россію на край бездны, и наряду съ этимъ всяческое подавленіе общественной самодѣятельности, наконецъ распутиновщина, все это слишкомъ свѣжо въ памяти у всѣхъ. Недаромъ русская революція была столь единодушна.

Правда, германская и павшая русская монархii— монархii дуалистическаго типа, предоставляющія широкій просторъ своеволю монарха. Однако война вскрыла, что и парламентарная монархія не является достаточно надежнымъ учрежденіемъ, ибо парламентскій контроль далеко не всегда и не всюду въ силахъ подчинить монарха народной волѣ. Достаточно напомнить политическую позицію во время войны болгарскаго царя Фердинанда, греческаго эксъ-короля Константина или покойнаго румынскаго короля Карла, чтобы показать, въ какой мѣрѣ безсиленъ парламентарный режимъ предотвратить возможность даже самаго рѣзкаго расхожденія монарха съ народомъ.

Эти факты, наглядно обнаружившіе опасности, присущія монархii, въ связи съ развившимся за время войны самосознаніемъ народовъ и ихъ окрѣпшей способностью къ самодѣятельности, даютъ основаніе ожидать, что въ Европѣ повсемѣстно вспыхнетъ антимонархическое движеніе, повторится буйный и бурный 1848 годъ. Успѣхъ этого движенія въ значительной степени будетъ зависеть отъ того, удастся ли Россii благополучно довершить революцію и упрочить республиканскій строй.

В. Устиновъ.

ВОЙНА И КРИЗИСЪ НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА.

Въ связи съ войною народное хозяйство страны переживаетъ глубокій кризисъ.

Разстроены желѣзнодорожный транспортъ, въ буквальномъ смыслѣ слова раздавленный неимоверно возросшимъ за время войны количествомъ перевозимыхъ грузовъ. И въ годы мира наши желѣзныя дороги, слабо оборудованныя подвижнымъ составомъ, не въ силахъ были справиться съ урожаемъ, и когда осенью послѣ сбора хлѣбовъ начинался усиленный подвозъ къ станціямъ, тамъ образовывались горы хлѣбныхъ залежей за недостаткомъ вагоновъ. А война и вызванный ею наплывъ грузовъ поставила желѣзно-

дорожный транспортъ въ совершенно невозможное положеніе.

Данныя объ эксплуатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ рисуютъ, напр., такую картину:

Годы.	Длина рельсоваго пути.	Грузы (въ милліонахъ пудо-верстъ) на весь путь.	На 1 версту пути.
1914	43.884	2.641.969	60
1915	38.322	3.033.973	79
1917 (по смѣтѣ)	38.879	3.361.765	86

Уже на второй годъ войны количество грузовъ возросло на 30%, по смѣтѣ на 1917 г. оно должно было подняться на 43%.

Естественно, что перегруженныя дороги, чтобы какъ-нибудь справиться съ возложенной на нихъ обстоятельствами военнаго времени задачей, вынуждены были до крайнихъ предѣловъ напрягать работу подвижнаго состава; и не удивительно, что послѣ двухъ лѣтъ почти безсмысленной работы паровозы стали массами выбывать изъ строя, и чѣмъ дальше, тѣмъ въ большемъ количествѣ.

Число больныхъ паровозовъ.	1916 г.		Приростъ въ %.
	1916 г.	1917 г.	
Въ среднемъ за мартъ/май.	3.364	4.593	36 %

Въ 1917 г. при этомъ росло не только число больныхъ паровозовъ, но и процентное отношеніе ихъ къ общему количеству паровозовъ: въ первые 3 мѣсяца революціи % больныхъ паровозовъ достигалъ 2,2 противъ 17 % соответственныхъ мѣсяцевъ 1916 г. А въ июль мѣсяцъ болѣла уже $\frac{1}{4}$ часть всѣхъ паровозовъ.

Каждый больной паровозъ выводитъ изъ строя 25 вагоновъ; общее число вагоновъ не использованныхъ по болѣзни паровозовъ въ первые же мѣсяцы революціи превышало 125 тысячъ, т.-е. было больше $\frac{1}{5}$ общаго числа вагоновъ достигающаго 570—572 тыс. А въ настоящее время, на ряду съ ростомъ больныхъ паровозовъ, число выведенныхъ изъ строя вагоновъ все растетъ.

Въ результатѣ этого возрастанія числа больныхъ паровозовъ и бездѣйствующихъ вагоновъ увеличивается и недопогрузъ по сравненію съ предшествующимъ годомъ. За мартъ—май мѣсяцъ недопогрузъ составлялъ 429 тысячъ вагоновъ, а по докладу управляющаго эксплуатаціоннымъ отдѣломъ министерства путей сообщенія недопогрузъ къ 1 августа достигъ 980 тысячъ вагоновъ.

Разстройство транспорта влечетъ за собою сокращеніе подвоза топлива и сырья на фабрики и заводы. Особенно плохо обстоитъ дѣло съ вывозомъ изъ Донецкаго бассейна нашего главнаго топлива—угля.

Вывозъ угля изъ Донецкаго бассейна (въ милліонахъ пудовъ).	1916 г.		1917 г.
	1916 г.	1917 г.	
За 1-е полугодіе . . .	689,а	595,в	
Въ среднемъ въ мѣсяцъ.	115	99	

Такъ какъ первоочередные потребители угля: флотъ, желѣзныя дороги и металлургическіе заводы получили въ 1917 г. почти столько же, сколько и въ прошломъ—въ среднемъ 75 вмѣсто 80 милліоновъ пудовъ въ мѣсяцъ, то всю тяжесть своею паденіе вывоза угля легло на промышленные районы; больше всего

пострадали при этомъ самые крупные промышленные центры, Петроградскій и Московскій, а также и сахарные заводы. При среднемъ въ мѣсяцъ вывозѣ въ районы въ 27 миллионѣвъ пудовъ вмѣсто 34,6 милл. прошлаго года, что даетъ сокращеніе на $\frac{1}{3}$.

Вывозъ въ миллионѣвъ пудовъ	составлялъ:	
	1916 г.	1917 г.
	(За полугодіе).	
для Петроградскаго района . .	53	25
» Московскаго » . .	25,1	11
» сахарныхъ заводовъ » . .	22	10,3

Вывозъ угля въ Москву упалъ въ два слишкомъ раза противъ прошлаго года и въ 6 разъ противъ 1914 г., когда Москва получала 130 милл. пудовъ...

Недостатокъ топлива гибельно отзывается на промышленности. Одна за другой останавливаются фабрики, сначала конфектныя и иныя, позже сокращается производство и жизненныхъ предметовъ потребленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ на улицу выбрасываются безработные, число которыхъ въ Петроградѣ къ маю мѣсяцу достигало 50 тыс. человекъ.

Производство сокращается, а между тѣмъ въ странѣ и безъ того остро чувствуется товарный голодъ, обусловленный непосильностью задачъ, взваленныхъ войною на плечи русской промышленности. До войны спросъ на фабрично-заводскія издѣлія въ значительной мѣрѣ покрывался ввозомъ изъ-за границы. Война колоссально увеличила спросъ, заставила рядъ предприятий измѣнить характеръ своего производства, мобилизовать ихъ на оборону. Работая въ такихъ условіяхъ, промышленность могла удѣлять на нужды тыла значительно меньшее количество товаровъ, чѣмъ ранѣе, а между тѣмъ ввозъ товаровъ изъ-за границы въ годы войны не возросъ, а въ первое время даже упалъ.

Ввозъ товаровъ изъ-за границы (въ миллионѣвъ рублей).	
1913 г.	1.374
1914 »	1.098
1915 »	1.152
1916 »	2.682

Только въ 1916 г. замѣчается ростъ ввоза, но и этотъ ростъ имѣлъ чисто номинальный характеръ, такъ какъ рубль 1916 года въ переводѣ на золото стоилъ вдвое меньше рубля 1913 года.

Такимъ образомъ задача покрыть колоссально возросшій за время войны спросъ цѣликомъ легла на нашу промышленность. И такъ какъ задача эта была очевидно непосильна, то несмотря на чрезвычайную напряженную дѣятельность фабрикъ и заводовъ, несмотря на то, что въ ходъ пускались даже раньше забракованныя за-слабою производительностью машины, а сверхурочныя работы практиковались повсемѣстно, спросъ не могъ быть покрытъ. И за вычетомъ необходимаго для арміи, на долю тыла приходилось все меньшее и меньшее количество продуктовъ.

Отчетливо выявляли картину товарнаго голода въ странѣ данныя о привозѣ на Нижегородскую ярмарку.

Было привезено товаровъ на ярмарку (въ миллионѣвъ пудовъ).	
1914 г.	12,5
1915 »	9,7
1916 »	8,1

Въ 1916 г. привозъ составлялъ всего 65% привоза 1914 г., а въ текущемъ году, судя по газетнымъ свѣдѣніямъ привозъ не доходить и до 50%.

Для отдѣльныхъ отраслей промышленности товарный голодъ достигаетъ еще большей величины. Особенно великъ голодъ въ металлахъ. На свободномъ рынкѣ нѣтъ ни одного пуда легальнаго полученнаго металла, такъ какъ весь металлъ уже давно распределенъ между вѣдомствами. Но и для вѣдомствъ металла не хватаетъ! На июль/сентябрь мѣсяцъ ими заявлена потребность въ черномъ прокатномъ металлѣ на 31 милл. пудовъ, тогда какъ имѣется для нихъ на этотъ срокъ не свыше 16 милл. пудовъ...

Товарный голодъ растетъ, производство сокращается за недостаткомъ топлива и сырья, фабрики и заводы, инвентарь которыхъ подвергся быстрому снашиванню за время напряженной работы, нуждаются въ капитальномъ ремонтѣ, но для ремонта этого въ странѣ нѣтъ ни матеріаловъ, ни металла, ни машинъ... Надвигается на родину и другое бѣдствие, болѣе тяжелое, чѣмъ недостатокъ товаровъ,—голодъ.

Казалось бы, мы могли отъ войны ожидать чего угодно, только не этого, такъ какъ хлѣба у насъ было вволю, и мы кормили имъ чуть ли не полмира. Но это, къ сожалѣнію, только казалось; лица, ослѣпленные громадными цифрами нашего хлѣбнаго вывоза, дѣйствительно могли думать, что хлѣба у насъ Богъ знаетъ сколько, что мы застоимъ отъ изобилія, когда границы будутъ закрыты, но статистика давно предостерегала насъ отъ подобныхъ поспѣшныхъ заключеній.

Въ пятилѣтіе 1907/13 гг. урожай ржи и пшеницы 2.521 миллионѣвъ пудовъ. За вычетомъ $\frac{1}{2}$ миллиарда пудовъ на посѣвъ, 300 милл. пудовъ на вывозъ за границу, 30 на нужды занятыхъ нѣмцами земель, намъ оставалось около 1,7 миллиарда пудовъ или до $1\frac{1}{4}$ фунта на день, т.-е. не Богъ вѣсть какъ много, если принять во вниманіе, что въ Германіи въ мирное время потребленіе ржи и пшеницы на душу населенія составляло $1\frac{1}{2}$ фунта.

Въ годы войны у насъ оставалось 300 милл. пудовъ, вывозившихся ранѣе за границу. Но въ то же самое время возросъ спросъ на хлѣбъ, предъявляемый арміею; увеличилось и крестьянское потребленіе хлѣба, такъ какъ не спаиваемая болѣе водкою, отнимавшею ранѣе до 500—600 миллионѣвъ пудовъ хлѣба, не обремененная налогами, сильно облегченными удешевленіемъ денегъ, деревня перестала продавать хлѣбъ, въ которомъ нуждалась сама. Одновременно съ ростомъ потребленія хлѣба падало его производство: сокращалась посѣвная площадь вслѣдствіе массоваго отлива рабочихъ рукъ, ухудшалось воздѣлываніе почвы, потому что трудъ подростковъ, женщинъ и стариковъ не могъ сравняться по качеству съ трудомъ взрослыхъ, привычныхъ къ своему дѣлу крестьянъ, а также и потому, что негдѣ было достать ни удобрений, ни машинъ, негдѣ было и отремонтировать обносившіяся с.-хоз. инвентарь, такъ какъ на рынкѣ не имѣлось необходимыхъ для этого матеріаловъ.

И выходило такъ, что ростъ спроса былъ достигнутъ, чтобы поглотить хлѣбъ, оставшіяся невывезеннымъ за границу, а производство хлѣба неминуемо должно было падать за сокращеніемъ посѣвной площади и ухудшеніемъ обработки земли. Отсюда не-

минуемо долженъ быть въ странѣ ощущаться недостатокъ въ хлѣбѣ и какъ слѣдствие его—голодь.

Вотъ данныя оъ урожаѣ и посѣвныхъ площадяхъ.

Годы.	Пос. площ.	Урожай общій.	Ржи и пшеницы.
1914. . . .	90	4.304	2.649
1915. . . .	87	4.659	2.885
1916. . . .	81	3.916	2.276

Въ 1914 году у насъ продовольственныхъ затрудненій не было, такъ какъ мы снимали урожай, подготовленный полевыми работами мирнаго времени; не чувствовалось голода и въ 1915 г., вслѣдствие исключительно блестящаго урожая. Но уже 1916 г. даль недочетъ въ $\frac{1}{4}$ милл. пуд. Недочетъ этотъ можетъ быть покрытъ изъ избытковъ урожая въ 1914 и 1915 г., и у насъ къ сбору текущаго урожая останется еще до 300 милл. пудовъ. Но такъ какъ текущи урожай повидимому будетъ еще менѣе удовлетворителенъ, чѣмъ урожай предшествовавшаго года, то намъ предстоитъ пережить тяжкия продовольственные затрудненія къ моменту реализации урожая 1917/18 г., когда у насъ будутъ исчерпаны всѣ запасы. А между тѣмъ урожай 1917/18 г. въ связи съ аграрными неурядицами, твердыми цѣнами, износомъ инвентаря и иными обстоятельствами, обѣщаетъ быть совсѣмъ не удовлетворительнымъ...

Война разоряетъ народное хозяйство; разстраиваетъ транспортъ, промышленность и сельское хозяйство; гибельна она и для государственныхъ финансовъ. И многие при видѣ надвигающихся на нашу родину страданій товарнаго и продовольственнаго голода и потрясеніи финансоваго кризиса приходятъ въ ужасъ, теряютъ самообладаніе и готовы хоть сейчасъ, хоть сию минуту подписать миръ, на какихъ-угодно условіяхъ, считая уплату любой контрибуціи болѣе выгодной, нежели продолженіе войны.

А между тѣмъ, пока мы идемъ рука объ руку съ нашими союзниками, пока впереди есть надежда на побѣду и почегный миръ, мы съ твердою вѣрою можемъ смотрѣть въ будущее Россіи.

Война не вѣчна. И какъ ни разорительна сейчасъ она, она окончится. И тогда, опираясь на мощный денежный рынокъ державъ согласія и на высоко развитую промышленность ихъ, въ короткое время съумѣемъ мы залѣчить тяжкия раны народнаго хозяйства и государственныхъ финансовъ. Мы доставимъ необходимое намъ количество паровозовъ и рельсъ, скуемъ густою сѣтью дорогъ небогатныя пространства Россіи, получимъ необходимыя средства и на переоборудованіе фабрикъ и заводовъ, износившихся въ годы войны. И такъ какъ посѣвная площадь страны при изгнаніи врага изъ предѣловъ родины будетъ превышать 100 миллионовъ десятинъ, такъ какъ крайне низкая норма урожайности позволяетъ при нѣкоторомъ напряженіи народнаго труда и энергіи и широко примѣненіи машинъ и удобрений поднять урожайность на десятки пудовъ съ десятины, а каждыя лишнія 10 пудовъ на десятину—лишніи миллиарды рублей золотомъ для страны, то мы можемъ быть спокойны за будущее народнаго хозяйства и государственныхъ финансовъ: одно развитіе сел. хоз. дастъ возможность расплатиться со всѣми долгами и высоко поднять уровень народнаго благосостоянія. А неми-

нуемый въ связи съ экономическимъ строительствомъ страны и ростомъ сельскаго хозяйства промышленный подъемъ дастъ родинѣ возможность въ одно—два десятилѣтія достигнуть небывалой ранѣе степени культуры и богатства.

Совсѣмъ иное рисуется въ случаѣ пораженія и позорнаго сепаратнаго мира. Разоренная войною и разгромленная нѣмцами страна кредита имѣть не будетъ. И если даже предположить, что нѣмцы будутъ столь сентиментальны, что никакой контрибуціи на насъ не наложатъ, намъ отъ этого легче не станетъ, такъ какъ мы окажемся предоставленными своимъ собственнымъ силамъ въ тотъ самый моментъ, когда Россія будетъ совершенно разоренной, и будетъ больше чѣмъ когда-либо нуждаться въ поддержкѣ со стороны.

Я глубоко убѣжденъ, что Россія и въ этомъ случаѣ не погибнетъ: она слишкомъ велика и могуча для этого, но жутко даже подумать о томъ, что насъ ждетъ въ случаѣ такого мира.

Намъ не удастся справиться съ разстройствомъ транспорта, такъ какъ для этого необходимы паровозы и металлы и иные предметы, которые достать можно только за границей. А, значить попрежнему будутъ увеличиваться недопогрузки и сокращаться фабрично-заводская дѣятельность за отсутствіемъ топлива и сырья... Работавшія на оборону предприятия, износившіяся и обветшавшія за долгіе годы войны, не смогутъ быть въ достаточной мѣрѣ переоборудованы для перехода къ работамъ на внутренній рынокъ, ибо для этого мало бумажныхъ денегъ, нужны еще машины и всякія иныя приспособленія, не имѣющіяся у насъ. И вслѣдствие этого несмотря на острый и все растущій товарный голодь производство будетъ сокращаться, и цѣлый рядъ оборонныхъ и многихъ другихъ предприятий совершенно закроется, выбрасывая на улицу десятки и сотни тысячъ безработныхъ. И если безработными окажутся и тѣ, что сейчасъ находятъ какое-либо примѣненіе своему труду, по-прежнему не найдутъ себѣ работы сорокъ тысячъ бойцовъ, возвращающихся съ фронта.

Нелегко будетъ и въ деревнѣ. Ободранная, оборванная, изголодавшаяся за время войны въ фабрично-заводскихъ издѣліяхъ, не получить она товаровъ ей такъ нужныхъ и послѣ мира, «во что бы то ни стало». И не получая ни мануфактуры, ни обуви, ни керосину, ни с.-хоз. машинъ и металла не станетъ и деревня везти въ городъ хлѣбъ. И города будутъ голодать. И въ городахъ, наводненныхъ безработнымъ и голоднымъ людомъ, станетъ царить анархія и гражданская смута.

И пройдутъ годы, томительные, жуткіе годы и десятки лѣтъ голода и нищеты, пока мы выберемъ изъ этой смуты на свѣтъ Божіи...

Мы ведемъ войну, страшную, разорительную войну. Но какъ ни велики раны, наносимыя ею народному хозяйству Россіи, мы должны довести войну до конца. Мы не можемъ не довести ея до конца. Мы должны испить до дна горькую чашу испытаній войны, такъ какъ миръ-пораженіе сулитъ намъ чашу во сто кратъ болѣе горькую...

С. Г. Чалхушьянъ.

ДЕМОКРАТИЯ И НОВАЯ РОССИЯ.

Демократия родилась в революции.
 Демократия родилась больной.
 Больна вся Россия.
 Демократия тоже больна.
 Без демократии не будет *новой* России.
 Если Россия выздоровеет, а демократия останется больной, — *новой* России не будет.
 Лечение России задача национальная.
 Лечение демократии также *национальная* задача.
 Отсюда вытекает *обязанность* каждого гражданина принять участие в лечении демократии, а также и *право* участвовать в этом лечении.
 Со времени длинного периода «подполья» в широких кругах нашей интеллигенции остался предрасудок, будто только социаль-демократ может участвовать в рабочем движении и будто социал-революционеры имеют какие то преимущественные права на работу среди крестьянства.
 Такого рода предрасудки надо изжить елико возможно скорѣе.
 Социализм есть идеология нѣкоторой части демократии.
 Демократия же шире социализма, а главное она новой России нужнѣе социализма.
 Было бы нелѣпо, если бы социализм на ближайшя десятилѣтня убилъ демократію и лишилъ насъ новой России.
 Особенно осложненія въ болѣзни демократіи создало «подполье».
 Слишкомъ длительная и затяжная борьба нѣсколькихъ поколѣній «подполья» со старымъ строемъ вызвала самоотравленіе «подполья», накопленіе тамъ вредныхъ газовъ, которые теперь ядовитымъ облакомъ тумана плывутъ надъ лихорадочной равниной современности.
 Эти вредные газы могутъ изолировать демократію отъ творческой, созидательной работы и тогда новой России не будетъ.
 Поэтому тѣ, кто не потерялъ вѣры и надежды на новую Россию, должны спѣшить на помощь демократіи, должны помочь ей одолѣть недугъ.
 Какими же средствами леченія обуявшаго демократію недуга?
 Эти средства суть:
 Мораль, свобода, культура и национальное сознаніе.
 Для всѣхъ знающихъ сколько-нибудь подполье, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что тамъ жило и оттуда вышло гораздо больше праведниковъ, чѣмъ то число, за которое Господь Богъ миловалъ города. И вообще можно сказать съ увѣренностью, что Россия праведниками, подвижниками не оскудѣла.
 Почему же на поверхности жизни все время маячатъ колоритныя фигуры Ганецкихъ и Козловскихъ и убиваютъ у демократіи вѣру въ самое себя, въ свое святое-святыхъ? Да именно потому, что мораль *теоретически* не признана.
 Практически большинство изъ насъ признаютъ и честь, и совѣсть, и Бога въ душѣ.
 Но теоретически социализмъ связали съ материализмомъ, Бога въ душѣ замѣнили «классовой борьбой», и законъ любви подчинили закону ненависти.
 Необходимо безбоязненно, мужественно и громко утвердить, что борьба классовъ, профессиональные рабочіе союзы, классовыя политическія партіи не

только не уничтожаютъ самоцѣнности морали, но свою устроительную, творческую жизненность могутъ обнаружить лишь въ моральной атмосферѣ.

Моральное истлѣваніе есть наибольшая опасность для революции, демократіи и новой России.

Свободу теперь надо утверждать съ большимъ энтузиазмомъ, нежели въ старой России.

Ибо старый строй откровенно и грубо шелъ противъ свободы.

Новый строй идетъ во имя свободы противъ свободы и тѣмъ самымъ вноситъ въ умы путаницу и неразбериху.

Я позволю себѣ привести одинъ документъ, характерный, какъ признакъ болѣзни современности:

«Калужскіи Губернскіи Исполнительный Комитетъ Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ доводитъ до свѣдѣнія гражданъ ... волости, что въ настоящее время въ цѣляхъ разьединенія крестьянскаго населенія неизвѣстными лицами стали организовываться всевозможные крестьянскіе союзы или совѣты, устраиваться съѣзды этихъ союзовъ и т. п.

Поэтому Губернскіи Исполнительный Комитетъ Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ проситъ гражданъ волости не вѣрять *никакимъ крестьянскимъ организаціямъ и союзамъ* кромѣ Совѣта Крестьянскихъ Депутатовъ, а потому не вступать членами въ эти самозванные союзы и не посылать на эти съѣзды своихъ делегатовъ.

Все, что полезно трудовому крестьянству, будетъ слѣдано Совѣтомъ Крестьянскихъ Депутатовъ, къ которому и просить гражданъ обращаться со всѣми своими нуждами и отъ котораго получать всѣ нужныя разъясненія и указанія.

Предсѣдатель Комитета *П. Гороховъ*».

Не сомнѣваюсь, что это посланіе продиктовано самыми лучшими намѣреніями и желаніями по отношенію къ трудовому крестьянству, но зачѣмъ же авторъ его не вспомнилъ о «*Свободѣ Союзовъ*»?

Фанатическая нетерпимость всегда противъ свободы, а развѣ подполье не создало себѣ своего рода культъ изъ нетерпимости не только къ сосѣднимъ партіямъ, но и къ родственнымъ фракціямъ.

Развѣ газеты н-совѣ не переполнены жалобами на с-ровѣ?

Развѣ большевики не жалуются на меньшевиковъ?

Ахъ! Если бы мы всѣмъ сердцемъ полюбили свободу, насколько быстрѣе пошло бы оздоровленіе демократіи.

Свобода и культура двѣ неразлучныхъ сестры въ современномъ общежитіи. Если демократія не свяжетъ себя съ культурой и свободой, она не войдетъ въ новую Россию и новой России намъ еще долго не удастся увидѣть.

Замкнувшееся въ себѣ, преслѣдуемое, аскетическое подполье не протягивало прочныхъ нитей къ духовной культурѣ. Некогда. Не до того.

Сейчасъ какъ будто и есть время, но старые навыки, какъ гири, висятъ на рукахъ, пытающихся что-то дѣлать.

Г. Кубиковъ, если не ошибаюсь, культурникъ изъ рабочихъ круговъ, напечаталъ недавно въ одной газетѣ слѣдующее признаніе:

«А въ самомъ Питерѣ? Кто пожелалъ бы воочию убѣдиться въ этой бѣдности рабочей культуры, тому было бы очень интересно побывать на устроенномъ литературно-агитационной коллегией Совѣта Рабочихъ

и Солдатских Депутатовъ собраніи представителей заводскихъ комитетовъ.

Какъ извѣстно, представители заводскихъ комитетовъ въ большинствѣ своемъ стоятъ на позиціи Ленина. На собраніи былъ подвергнутъ, между прочимъ, критикѣ списокъ книгъ, рекомендуемыхъ агитационной коллегией.

Списокъ этотъ, конечно, далека отъ совершенства...

Но что это была за критика! Говорили, напр., о томъ, что въ списокѣ нѣтъ Ленина, а поэтому пришлось доказывать,—и даже перстомъ указывать,—что Ленинъ есть, и что Ленинъ большія книги выпускалъ подъ фамилею Вл. Ильина. Коллеги ставился упрекъ, что въ списокъ попалъ Туганъ-Барановскій, и пришлось объяснять, что книга Тугана-Барановскаго «Русская фабрика» необходима для каждаго марксиста.

Съ негодованіемъ говорили, что въ списки попали Потресовъ и Плехановъ. И пришлось съ чувствомъ величайшаго возмущенія выступать противъ такой изувѣрской точки зрѣнія и доказывать этимъ невиннымъ въ марксизмѣ людямъ, что книги Плеханова это великія вклады въ сокровищницу социалистической культуры.

И обо многомъ другомъ хотѣлось еще говорить на этомъ собраніи, ибо тяжелое чувство недоумѣнія искало выхода...

Касательно Москвы такого же рода жалобы читалъ я въ газетѣ «Власть Народа» по поводу дѣла театральнаго и слышалъ лично отъ одной дѣятельницы по музыкальной части.

Если такъ грустно съ культурой въ Москвѣ и Петроградѣ, гдѣ собраны «витни» всѣхъ теченій,—то что сказать о глубинахъ Россіи?

Не только рядовое крестьянство, но даже и сельское учительство не приспособлено воспринимать культуру на томъ партійномъ жаргонѣ, на которомъ она преподносится.

За пять мѣсяцевъ революціи въ нашихъ центрахъ не возникло ни одной народной газеты подъ знакомъ культуры.

Страницы маленькихъ, доступныхъ газетъ преисполнены ядомъ партійной ненависти и склоки.

Ивъ чѣмъ же искать стержень для культурной работы? Думается, что его можно найти только въ національномъ сознаніи.

Работавшіи надъ возрожденіемъ своего народа датчанинъ Грундтвигъ — педагогъ и кооператоръ — искалъ въ свое время «корней сѣвернаго міросозерцанія».

Къ этимъ корнямъ нашего національнаго міросозерцанія, къ основамъ нашей національной духовной культуры должны приикнуть теперь мы всѣ: внѣшкольники, педагоги, кооператоры, профессионалисты, муниципалисты. Ибо родина распалась, расплылась, потеряла притяженіе частицъ и ихъ цементированіе.

Расплылась и демократія.

Не взирая на всю видимость, не взирая на существующіе совѣты и комитеты, надо сознать эту страшную болѣзнь распленія и надо ее лечить.

Какъ въ общежитіи, охваченномъ эпидеміей,—сейчасъ больны всѣ.

Но воля къ выздоровленію должна побудить тѣхъ, которые могутъ двигаться, дать во время глотокъ освѣжающей воды тѣмъ, которымъ недугъ сковалъ ихъ члены.

Этой освѣжающей влагой для демократіи являются: Мораль, свобода, культура и національное сознаніе.

А. Евдокимовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Государственное Совѣщаніе.—Рѣчь А. Ф. Керенскаго и правительственная программа.—Правая, центръ и лѣвая Государственнаго Совѣщанія.—Ихъ основныя разногласія и требованія, ихъ объединяющія.—Итоги Совѣщанія.

«Въ великіи и страшный часъ» созданное въ Москвѣ Временнымъ Правительствомъ Государственное Совѣщаніе состоялось. Цѣлью созыва совѣщанія,—какъ указалъ въ своей рѣчи министр—предсѣдатель А. Ф. Керенскій,—была, съ одной стороны,—необходимость, признанная Временнымъ Правительствомъ, «сказать правду о томъ, что переживаетъ сейчасъ великая, но измученная и изстрадавшаяся родина наша», въ чѣмъ видитъ Правительство пути для избавленія отъ этихъ мукъ и страданій, а съ другой стороны, выслушать отъ собравшихся представителей всѣхъ классовъ, политическихъ группъ и общественныхъ организацій ихъ мнѣнія о путяхъ и средствахъ къ спасенію родины. Долженъ былъ произойти сговоръ, чтобы создалось общенациональное объединеніе, чтобы намѣтить пути для общей, объединяющей всѣхъ работы, направленной къ спасенію родины и къ сохраненію приобрѣтенной революціи. Такъ понимало задачу совѣщанія созвавшее его Временное Правительство, такъ понимали поставленную задачу и всѣ тѣ, кто шелъ на это совѣщаніе, но никто не заблуждался и въ трудности осуществленія этой задачи, при разнообразіи и различіи классовыхъ и партійныхъ требованій и интересовъ.

Въ рѣчи министра-предсѣдателя и въ докладахъ министровъ Н. Д. Авксентьева, С. Н. Прокоповича и Н. В. Некрасова была представлена ужасающая картина отчаяннаго положенія страны. Министры не пожалѣли красокъ и положеніе Россіи было обрисовано въ самыхъ мрачныхъ тонахъ. Правительство высказало свои взгляды и изложило свою программу. Положеніе тягчайшее. Армія болѣетъ страшнымъ недугомъ разложенія. Продовольственные ресурсы напряжены до послѣдней степени. Производительность упала до невѣроятно низкаго уровня. Транспортъ разрушается. Государственные расходы достигли колоссальныхъ размѣровъ, между тѣмъ финансовыя ресурсы изсякли. Государственная казна пуста. Даже бумажныя деньги не успѣваютъ печататься. Нужны жертвы и жертвы. Надвигаются страшныя испытанія въ видѣ голода, холода и всяческихъ лишеній. Правительство намѣчаетъ рядъ практическихъ мѣропріятій, чтобы удовлетворить первѣйшія нужды, хотя отчасти смягчить неизбежныя лишенія. Въ общемъ правительственная программа безусловно приемлема, она отвѣчаетъ назрѣвшимъ нуждамъ, ни въ комъ не встрѣчаетъ возраженій. Она формулируется въ трехъ тезисахъ: порядокъ, жертвы и оборона. «Задача наша,—говоритъ А. Ф. Керенскій,—отъ которой мы не отступимся, задача, которую мы въ великомъ напряженіи исполнимъ, эта задача—спасеніе государства, огражденіе чести и достоинства всего народа русскаго и государства Россійскаго и борьба со всѣмъ, что разрушаетъ эту единственную силу, и съ тѣми, кто мѣшаетъ и препятствуетъ задачамъ временнаго правительства, имъ себѣ поставленнымъ». Но, всѣмъ ясно и правительство это болѣе всѣхъ понимаетъ, что осуществленіе намѣченной программы мо-

жетъ быть достигнуто только при содѣйствіи всѣхъ слоевъ общества и при достаточной твердости власти по отношенію къ тѣмъ, кто идетъ противъ общаго блага. Есть ли такое содѣйствіе? Достаточно ли тверда власть, чтобы проявить себя съ неоспоримой силою необходимой для того, чтобы успѣшно бороться съ анархіей, распадомъ и разложеніемъ? И что нужно, чтобы такую власть возсоздать? Вотъ проблемы, которыя вытекаютъ изъ поставленныхъ правительственной программой вопросовъ и которыя могли найти разрѣшеніе только въ условіяхъ единенія представителей правительственной власти съ представителями всѣхъ группъ и классовъ населенія.

Представители этихъ группъ дали свои отвѣты во второмъ и третьемъ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣщанія. Государственный театр, гдѣ происходили засѣданія, вмѣстилъ делегации всѣхъ классовъ, группъ, организаціи и партіи. Тутъ члены четырехъ Государственныхъ Думъ, совѣтъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, представители земствъ и городовъ, торговли и промышленности, национальныхъ группъ, фронтовыхъ армейскихъ комитетовъ, казачьихъ войскъ, профессиональныхъ рабочихъ союзовъ, кооперативовъ, сельско-хозяйственныхъ обществъ, академическихъ и учительскихъ корпораціи, и пр., и пр. Тутъ и старая, и молодая Россія, и цензовые и нецензовые элементы, тутъ и буржуазія, и демократія и капиталисты, и пролетаріатъ, и либеральныя и социалистическія партіи. Совѣщаніе, насчитывавшее до 3000 членовъ, имѣло и свой центръ, и свою правую и лѣвую. Лѣвую представляли социалистическія партіи и организаціи, группировавшіяся около совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ. Ихъ вожди Церетелли, Чхейдзе и др. Центръ—это большинство членовъ четырехъ Государственныхъ Думъ, преимущественно к.-д. Правая—представители торгово-промышленнаго класса, банковъ, биржевыхъ обществъ, члены Государственныхъ Думъ правыхъ фракцій. Внѣ государственнаго совѣщанія остались крайніе фланги: это большевики слѣва и справа. Большевиизмъ слѣва отвергъ государственное совѣщаніе, какъ «предательство по отношенію къ революціи», онъ устроилъ забастовку московскаго трамвая и газоваго завода, грозилъ «расправой». Не было мѣста въ Государственномъ Совѣщаніи и сторонникамъ стараго режима. Ихъ нѣтъ сейчасъ на открытой политической аренѣ. Особо, внѣ политической группировки, выступали нынѣшніе и бывшіе представители высшаго команднаго состава генералы Корниловъ и Алексѣевъ. Ихъ доклады касались положенія нашей армии и вопросовъ обороны и не затрагивали общей политики.

«Отвѣты» были различны, какъ различны и самыя группы, ихъ дававшія, но, въ потокѣ голосовъ намѣчались теченія, объединявшія совокупность группъ. Были вопросы, сблизившіе всѣхъ. По нимъ былъ найденъ общій языкъ. Было нѣчто, соединявшее всѣхъ: необходимость обороны и защиты отечества. И правая, и центръ, и лѣвая выразили довѣріе и обѣщали поддержку Временному Правительству.

Всѣми одинаково признавалась необходимость сотрудничества и желательность объединенія. Никѣмъ не отрицалась необходимость организаціи Правительства на коалиціонныхъ основаніяхъ. Всѣ одинаково исходили изъ признанія высшаго принципа, общественаго блага, всѣ явили себя сторонниками новаго

строю и завоеваній революціи. Правительственная программа: порядокъ, жертвы и оборона,—вошла и въ программныя требованія всѣхъ представленныхъ группъ. Вотъ то общее, что выявилось на Государственномъ Совѣщаніи.

Но, окажется ли это достаточнымъ, чтобы создалось единеніе и сотрудничество въ общей работѣ? Въ отвлеченныя понятія объ общемъ благѣ, о нуждахъ государства, въ идею сотрудничества вкладывалось различное содержаніе. Какъ должна быть организована армія, что способно поднять ея боеспособность и духъ, понималось различно.

Введеніе строгой дисциплины, возстановленіе власти команднаго состава, ограниченіе фронтовыхъ и армейскихъ комитетовъ исключительно хозяйственными функціями, прекращеніе митингованія, удаленіе армии отъ политики—вотъ требованія однихъ. Наоборотъ, продолженіе «демократизаціи армии» и усиленіе дѣятельности комитетовъ—настоячивое требованіе другихъ. И тѣ и другіе видятъ въ своихъ взаимно исключаютъ другъ друга въ скрытыхъ намѣреніяхъ, неимѣющихъ никакого отношенія къ задачамъ обороны. Революціонныя организаціи не желаютъ отдать армію подъ исключительную власть офицерскаго корпуса изъ боязни, что она будетъ использована противъ революціи, а умѣренныя группы усматриваютъ въ требованіяхъ лѣвыхъ партій преступное небреженіе къ нуждамъ родины и ея спасенія ради партийныхъ интересовъ. Этотъ важнѣйшій вопросъ нашего бытія разъединилъ Государственное Совѣщаніе. Около него вспыхивали самыя бурныя страсти, происходили ожесточенныя дебаты, сопровождавшіеся острыми конфликтами. Мерещилась и «контрреволюція», и крушеніе свободы... Раздѣляло членовъ совѣщанія и многое другое, но вопросъ объ армии былъ центральной темой всѣхъ политическихъ дебатовъ. Отъ его разрѣшенія зависятъ всѣ судьбы родины, но государственное совѣщаніе могло дать Временному Правительству только тѣ страстные дебаты, которые происходили въ двухъ его засѣданіяхъ, недавшіе никакихъ опорныхъ пунктовъ для соглашенія.

Другіе, казалось, столь же острые вопросы, вызывавшіе также горячіе споры, приводили все-таки къ намѣчанію нѣкоторыхъ согласительныхъ вѣхъ. Примиреніе интересовъ труда и капитала—одна изъ труднѣйшихъ задачъ, особенно въ настоящій моментъ обостренной классовою борьбою, оказалось однако болѣе достижимой. Явились какія-то возможности. поверхъ узко-классовыхъ интересовъ выявиться примиряющему началу, которое символически выразилось въ рукопожатіи представителя промышленниковъ Бубликова и вождя социалистическихъ группъ Церетелли, вызвавшемъ сенсацию. Этому предшествовала рѣчь Церетелли, особенно его вторая рѣчь, показавшая, что возможенъ въ ряду вопросовъ сдвигъ социалистическихъ группъ съ непримиримыхъ позицій, и рѣчь Плеханова, основоположника въ Россіи научнаго социализма, вскрывшаго несущественность въ настоящій моментъ социализма и необходимость въ интересахъ социализма дальнѣйшаго развитія въ такой отсталой странѣ, какъ Россія, капиталистическаго производства.

Могъ раздѣлить на непримиримые лагеря аграрный вопросъ, въ частности земельная политика министра Чернова. Она вызывала жестокия нападки, суровую критику. Но въ лицѣ министра Чернова подвергался все же болѣе жестокимъ ударамъ «бывшій пораженецъ», чѣмъ «творецъ разрушительной земельной политики». И опять-таки навстрѣчу тѣмъ, кто ставилъ на видъ всѣ гибельныя послѣдствія земельныхъ захватовъ и покровительственной имъ политики шли категорическія заявленія, заключающіяся и въ правительственной программѣ, и въ деклараціи совѣтовъ, прочтенной Чхеидзе, въ которыхъ «осуждаются всякіе захваты чьихъ либо земель, какъ отдѣльными лицами, такъ и группами лицъ или обществами». И наконецъ, даже общая проблема власти, казалось тоже неразрѣшимая, вызывавшая горячіе споры и острые конфликты, какъ будто тоже приблизилась къ нѣкоторымъ примиряющимъ среднимъ рѣшеніямъ. Возможность къ этому явилась послѣ заявленія Церетелли о томъ, что совѣты болѣе не претендуютъ на руководящую роль по отношенію къ Временному Правительству. И только кардинальный вопросъ о нашей государственной оборонѣ, объ организаціи арміи остался внѣ досягаемости. Стороны не пришли къ соглашенію, и Временному Правительству придется избрать самому путь къ спасенію, оставить ли армію въ рукахъ политиковъ или использовать ее въ интересахъ обороны и защиты отечества, на которое надвигаются полчища Вильгельма...

Каковы же итоги совѣщанія? Оно имѣетъ несомнѣнное положительное значеніе. Оно дало моральную поддержку Временному Правительству и тѣмъ усилило его авторитетъ, а это весьма важно въ переживаемый моментъ. Совѣщаніе положило начало извѣстному единенію и большому взаимному пониманію активныя политическія группы, что послужило къ развитію сотрудничества, которому такъ мѣшала партійная нетерпимость. Все это только ростки и зачатки, но быть можетъ они дадутъ полезныя всходы. Страшно то, что время не терпитъ. Грозный часъ насталъ, а мы только теперь, быть можетъ, прекратимъ, или еще хуже, только ослабимъ гражданскую войну. Нужна могучая національная работа всѣхъ и каждого, а мы только теперь усваиваемъ мысль объ ея необходимости, и если приступимъ къ такой работѣ, то на разрушенномъ и обезпложенномъ мѣстѣ.

Н. Иорданскій.

ИГО ВЛАСТИ.

Листки изъ дневника.

Двѣнадцатаго августа я слушалъ Керенскаго. — Какъ измѣнилось у него лицо, — думалъ я, припоминая одно изъ засѣданій Государственной Думы, гдѣ я видѣлъ Керенскаго, не помышлявшаго тогда, вѣроятно, что ему придется взять на себя «бремя власти», какъ принято выражаться.

Да, теперь у него совсѣмъ другое лицо. Теперь этотъ человѣкъ какъ будто узналъ какую-то тайну, какое-то слово, узналъ то, о чемъ онъ раньше и не думалъ вовсе.

Исторія обязываетъ. Государственность обязываетъ. Тутъ ужъ такой плѣнь, изъ котораго не вырваться... Прикинувъ къ государственной власти, этотъ краснорѣчивый вольнодумецъ перестроился вну-

тренне, и потому измѣнилось такъ и его лицо. Быть можетъ, мысли, взгляды и убѣжденія его вовсе не измѣнились, но ужъ навѣрное измѣнилась самая ткань души. Во власти, вѣдь, есть своя магія. Войдетъ человѣкъ въ этотъ волшебный кругъ и уже нѣтъ ему выхода. Вотъ эта печать обреченности и легла на лицо Керенскаго. «А, вѣдь, значить же что-нибудь лицо человѣческое!» — какъ воскликнулъ однажды Достоевскій.

И рѣчь Керенскаго звучала теперь совсѣмъ не такъ, какъ прежде въ Думѣ, когда онъ смотрѣлъ со стороны на правительство. Кстати, примѣчательнѣйшую мысль высказалъ Керенскій въ другой своей рѣчи, въ заключительномъ словѣ пятнадцатаго августа: «Каждый, кто приходитъ говорить съ властью, каждый видитъ только часть, а мы, по своему положенію, видимъ все». Вотъ эта возможность «видѣть все» и сводить людей съ ума, ибо человѣку не дано *все видѣть*. Это ужъ задача сверхъчеловѣческая. И недаромъ Керенскій искалъ, по его признанію, какихъ-то «нечеловѣческихъ словъ».

Говорятъ, что у Керенскаго больные нервы, что въ немъ будто бы есть душевная неуравновѣшенность. Возможно, что въ этомъ есть доля истины, но этой правдѣ надо противопоставить и другую правду: въ дни Государственнаго Совѣщанія, особенно въ субботу 12 августа, Керенскій *преодолѣлъ* свою истеричность. Иныя изъ выраженій его надо записать, какъ живое свидѣтельство причастности Керенскаго особаго рода вдохновенію.

Странная была эта рѣчь. Я думаю, что во всемирной исторіи никогда и никто изъ политическихъ дѣятелей ничего подобнаго не произносилъ публично, да еще въ собраніи общегосударственнаго характера. Необычайность рѣчи Керенскаго заключалась въ томъ, что онъ какъ будто исповѣдывался всенародно, какъ будто для него было важно прежде всего рѣшить вопросъ о личной отвѣтственности. «Еще министромъ юстиціи я внесъ во временное правительство отмѣну смертной казни. И я же, какъ военный министръ, внесъ во временное правительство частичное возстановленіе смертной казни. *Но развѣ вы не знаете, что въ этотъ часъ была убита частица нашей человѣческой души.* Но если будетъ нужно для спасенія государства, если голосъ нашъ, предвѣщающій великія испытанія, не дойдетъ до тѣхъ, кто и въ тылу развращаетъ и разнуздываетъ армію, *мы душу свою убьемъ, но государство спасемъ*»...

Въ какомъ это парламентѣ и въ какой періодъ исторіи утверждалось что-либо подобное Верховнымъ Вождемъ народа? Въ эпоху Великой Французской Революціи общегосударственныя и политическія идеи ставились въ связь съ моралью, но никогда, нигдѣ и никто не переносилъ эти начала въ тѣсный кругъ личныхъ и мистическихъ переживаній въ такой формѣ, съ такой загадочной интонаціей.

Древніе мудрецы утверждали, что въ мірѣ борются не только силы темныя и свѣтлыя, но еще и третье начало, та безразличная для добра и зла организующая матеріальная стихія, то начало, имя которому Люциферъ. Такъ, государственность всегда по существу начало люциферіанское. Она можетъ быть и добромъ, и зломъ. И если революція въ извѣстный моментъ исторіи является носителемъ добра, то и утвержденіе государственности можетъ служить залогомъ желаннаго движенія человѣчества впередъ.

Вопросъ въ томъ, значить, куда плыветъ корабль государственности. Такъ, наприимѣръ, русская государственность была по существу прогрессивнымъ началомъ, когда она утверждалась тѣмъ кормчимъ славнымъ, «кто мощно придавъ бѣгъ державный кормъ родного корабля». Вотъ и Керенскій явился намъ двѣнадцатаго августа въ люциферіанскомъ свѣтѣ. Слова его были исполнены государственной мудрости.

Но послѣдуютъ ли за этими словами и дѣла? Если бы не эти странныя, загадочныя, личныя признанія Керенскаго, у насъ не явился бы этотъ вопросъ. Кромвель, Петръ Великій, Робеспьеръ, Наполеонъ повелѣвали, не дѣлая задушевныхъ признаній и утаили отъ міра свою внутреннюю драму. Возможно, что въ дни Государственнаго Совѣщанія были сдѣланы Керенскимъ его *послѣднія* признанія, и мы уже услышимъ отъ него въ будущемъ не признанія, а приказанія. Революционная власть должна повелѣвать, а верховный вождь революции не долженъ быть Гамлетомъ, размышляющимъ о жизни, а не творящимъ ее. И если призраки посѣщаютъ измученную душу революціоннаго диктатора, онъ долженъ преодолѣть соблазнъ во имя грядущей свободы. Мы всѣ беремъ на себя отвѣтственность за «кровь и желѣзо», которыя должны закрѣпить побѣду революции надъ мрачнѣйшей изъ возможныхъ реакціи, надъ реакціей Прусской.

Исторія! Исторія не эпосъ, а трагедія. У исторіи долженъ быть конецъ, должно быть свое «очищеніе», или, въ противномъ случаѣ, мы должны примириться съ бессмысленностью войны и мира, борьбы и лада, жизни и смерти. Исторія не призракъ. Смѣна поколѣній и безмѣрная сложность государственныхъ и социальныхъ формъ не случайны...

Во время перерыва, когда вокругъ меня шумѣлъ залъ Большого Театра, я чувствовалъ, какъ многоликая Россія строить въ этотъ часъ свое будущее, прощаясь съ прошлымъ. Мы всѣ какъ будто коснулись руками исторіи. Она вошла въ этотъ залъ воплощенной.

Пробираясь между креселъ, расположенныхъ на сценѣ, я увидѣлъ Карташева. Признаюсь, у меня стало на душѣ легче. И какъ ни странно его присутствіе здѣсь, за министерскимъ столомъ, на другомъ концѣ котораго сидитъ ухмыляющийся циммервальдскій гость, надо благодарить Бога за то, что этотъ человѣкъ, до сихъ поръ никогда не принимавши участія въ политикѣ, не отказался взять на себя иго посредничества между государствомъ и церковью въ отвѣтственной части русской исторіи.

Если ужъ мы, русскіе, такіе чудачки и дураки, что въ дни нашей чрезвычайной разрухи, хозяйственной и военной, собравшись на Государственное Совѣщаніе, вмѣсто того, чтобы потрезвѣе и посторожнѣе подсчитать наши деньги въ казнѣ, пообсудить дѣловито, что намъ дѣлать съ охмелѣвшою чернью, занялись публичными признаніями и всенародными размышленіями о тайнахъ одинокой души и больного сердца, такъ ужъ не надо ли намъ въ самомъ дѣлѣ заговорить громко на удивленіе всего міра объ иныхъ тайнахъ, о тайнахъ вселенскихъ, о вѣчной правдѣ Христа

и Церкви и отказаться разъ на всегда отъ надежды стать реальными политиками въ европейскомъ смыслѣ? *Можетъ быть, мы и будемъ реалистами, но по-иному!* Но кому же и говорить объ этомъ, какъ не Карташеву? Только онъ можетъ «зажечь сердца», ибо онъ знаетъ не малыя тайны человѣческой, слишкомъ человѣческой души, но и великую тайну души міровой. И онъ знаетъ, что значить Россія, какъ необходимѣйшая участница вселенской жизни.

Если сегодня мы, участники религиозно-философскихъ совѣщаній, знаемъ его на столько, чтобы повѣрить безъ колебаній въ его право проповѣди, то завтра въ это его право повѣритъ вся Россія.

Но если такіе люди, какъ Карташевъ, не возвысятъ своего голоса, придутъ другіе, темные, и они произнесутъ слова о Христѣ и вѣрѣ совсѣмъ не такъ, какъ надо.

Глупенькіе доктринеры механическаго «пониманія» исторіи только руками разведутъ, а эмигранты сложатъ чемоданы и улепетнутъ въ какой нибудь кантонъ Ури, когда придутъ эти совсѣмъ неожиданные люди и заговорятъ страшнымъ и мрачнымъ языкомъ о той святынѣ, о которой можно было бы сказать свѣтлую и чистую правду, не поколебавъ вовсе свободы, желанной всѣмъ намъ и необходимой великой Россіи.

16 августа 1917 г.

Георги Чулковъ.

Московская Просвѣтительная Комиссія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ „НАРОДОПРАВСТВО“.

Содержаніе перваго номера:

Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Свободный народъ.—ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. Хмель.—Проф. Н. Н. АЛЕКСѢЕВЪ. Буржуазія.—БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Мы, военные...—Проф. Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. Любовь и ненависть въ социальной жизни.—А. ПОЙМИНОВЪ. Патриотизмъ французской революціи.—Гр. АЛЕКСѢЙ Н. ТОЛСТОЙ. Изъ записной книжки.—Проф. М. И. ФРИДМАНЪ. Сущность финансоваго вопроса.—Н. М. ЮРДАНСКІЙ. Внутреннее обозрѣніе.—БОРИСЪ КРЕМНЕВЪ. Наступленіе.—Н. Н. Международное положеніе.—НАРОДОПРАВЕЦЪ. Среди книгъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На одинъ мѣсяць—1 руб. 20 коп., на три мѣсяца—3 руб.

Цѣна отдѣльнаго номера—30 коп.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ:

Бол. Дмитровка, д. 13 (ходъ съ переулка), кв. 18. Тел. 2-39-96.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ:

Солянка, д. 1, кв. 88. Телеф. 3-97-14.

Въ издательствѣ Московской Просвѣтительной Комиссіи готовится къ печати наглядный атласъ съ объяснительнымъ текстомъ:

„Что такое аннексія и самоопредѣленіе народностей“.

Редакторъ: Г. И. Чулковъ. Издатель: Московская Просвѣтительная Комиссія при Временномъ Комитетѣ Государственной Думы.

Типографія Товарищества Рябушинскихъ, Страстной бульваръ, Путинковскіи пер., соб. домъ.